СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 5.

ФРІУЛЬСКІЕ СЛАВЯНЕ.

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ФРІУЛЬСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Два новыхъ труда г. Бодуэна о Резіянахъ *) обращаютъ вниманіе филологовъ на особенное отвѣтвленіе нарѣчія Хорутанскихъ Словенцевъ, любопытное и по внутреннимъ особенностямъ, и по внѣшней обособленности и вмѣстѣ съ тѣмъ по малоизвѣстности. Къ тому же изслѣдованія г. Бодуэна привели его къ такому этнографическому выводу, который и самъ по себѣ любопытенъ.

Считая не бесполезнымъ остановиться на этихъ трудахъ почтеннаго изслѣдователя, нахожу нужнымъ представить нѣсколько данныхъ о народѣ.

Чтобы обозначить мѣстность, въ которой живутъ Резіяне и ихъ южные сосѣди, загорные Словины, позволю себѣ припомнить, что близь границы Италіи и Австріи на сѣверъ отъ Адріатическаго моря, по землѣ, принадлежащей Австріи, изъ Карнитійскихъ горъ въ море течетъ довольно значительная и вмѣстѣ живописная горная рѣка Соча или Изонцо, въ которую, какъ съ востока такъ и съ запада втекаютъ горные потоки. Выше этихъ потоковъ на западъ идутъ пограничныя горы. За этими горами на западѣ воды стекаютъ въ другія ложа, въ долины и полуговья Венеціянской области. На этихъ то западныхъ склонахъ горъ, издавна принадлежавшихъ Венеціи, живутъ Словины, отдѣленные отъ своихъ восточныхъ соплеменниковъ не только горами, но и управленіемъ и строемъ общественной образованности. До 1796 года земли ихъ постоянно входили въ черту Венеціянскихъ владѣній. Отъ

*) «Опытъ Фонетики Резьянскихъ говоровъ» и «Резьянскій катихизисъ» 1875 г.

мира Кампоформійскаго до 1805 г. и за тѣмъ отъ паденія Наполеона I до присоединенія Венеціи къ Итальянскому королевству онѣ были подъ властію Австріи; но это ни сколько не помѣшало имъ остаться при прежнемъ устройствѣ.

Изъ путешественниковъ, занимавшихся Славянами, мнѣ прежде другихъ случилось проникнуть въ этотъ затаенный уголокъ Славянства и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, что кромѣ Резіянъ, занимающихъ одну изъ извѣстныхъ долинъ этого уголка, живутъ на югъ отъ нихъ и другіе ихъ соплеменники. Посѣтивъ эти погорья, я собралъ на мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о народѣ и языкѣ его. Позже были тамъ и другіе путешественники, но не многіе и сообщили немногое. Думая по этому, что и теперь не совершенно излишни будутъ свѣдѣнія, мною собранныя, представляю ихъ въ томъ видѣ, какъ я ихъ записалъ скоро послѣ посѣщенія края. Къ даннымъ, мною собраннымъ, прибавлено кое-что подъ строкою, кое-что въ приложеніяхъ—по замѣчаніямъ И. А. Бодуэна и частію, по другимъ сообщеніямъ. Считаю особенно важными прибавленія И. А. Бодуэна, которыя не только добавляютъ новыми любопытными данными мои замѣтки, но и исправляютъ ихъ. Подстрочныя прибавленія всѣ сдѣланы имъ.

РЕЗІЯНЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Дуньá. Жаръ, пыль; нельзя думать, что еще апрѣль. Въ Тарфисѣ я нанялъ извощика до Резіуты, которая своимъ названіемъ напоминаетъ мнѣ Резію: одна отъ другой не должна быть далеко, хотя на всѣ мои распросы никто не могъ до сихъ поръ отвѣчать ничего для меня утѣшительнаго. Пускаюсь на авось. Хоть мнѣ и говорятъ, что Фурланы иногда довольно своевольно поступаютъ съ одинокими путниками, но я что то плохо этому вѣрю. Во всякомъ случаѣ Резія не далеко, ни какъ не да-

лѣе 6—7 часовъ пути, и смѣшно было бы воротиться. Въ *Слованкѣ* Добровскаго такъ мало о Резіи, что надобно кому-нибудь узнать ее ближе. — Дорога изъ Тарфиса въ Понтеббу и оттуда далѣе идетъ по узкой долинѣ; въ глубинѣ ея широкое каменистое сухое ложе потока, у потока искусно продѣлана дорога; зелени мало, и та сѣра подъ густою дорожною пылью, а горы почти всюду голы. Въ Понтеббѣ начинается Итальянская архитектура: крыши плоскія, самые бѣдные домики въ 2—3 яруса, а около домиковъ деревья, которыхъ вѣтви прибиты плотно къ стѣнѣ, и надъ крыльцами хворостяные пологи, по которымъ начинаетъ разстилаться зелень винограда. Въ Дуньи я остановился обѣдать. Хозяинъ гостинницы Фурланъ, но говоритъ нѣсколько словъ по Нѣмецки. Я спросилъ его о Резіи,—и онъ отвѣчалъ, что эта долина въ $1\frac{1}{2}$ часа ходьбы отъ Резіуты, и что проводника достать можно легко. «Да и на что вамъ проводникъ» — прибавилъ онъ, и, показавши на молодаго человѣка въ черномъ длинномъ сюртукѣ, сидѣвшаго съ другимъ за салатомъ и виномъ, спросилъ меня: «Вы его знаете»? — «Я тутъ съ роду въ первый разъ». — «Аа! ну съ, это капелланъ изъ Резіи». Въ восторгѣ радости, я бросился къ синьору капелану, и насказалъ ему разной дичи, какъ умѣлъ, по Нѣмецки. Веселое, полное, красивое лице синьора капелана мѣсяцомъ глядѣло на меня, слушало меня со всѣмъ вниманіемъ равнодушія, и потомъ сказало такъ-же равнодушно: «non capisco» (не понимаю). Что было дѣлать: языкомъ Гольдони я еще не говорилъ никогда. Къ счастью капелланъ понималъ Хорутанское нарѣчіе, и мѣшая Итальянскій съ Хорутанскимъ, я объяснилъ кое-какъ капеллану, что̀ мнѣ нужно. «Прекрасно, прекрасно!»—отвѣчалъ мнѣ капелланъ, пожимая мою руку. Я буду въ Резіутѣ не болѣе какъ черезъ три часа. Мы тамъ встрѣтимся, и пойдемъ въ долину вмѣстѣ». Облобызавши меня, капелланъ доѣлъ свой салатъ, допилъ вино и отправился. А я жду, пока мой конь выѣстъ свой овесъ и напьется воды. Пишу, слушая болтанье Фурлановъ, вой нищихъ, крикъ продавцевъ и покупщиковъ, фурмановъ и гостей; и отъ радости нѣтъ охоты ни писать, ни слушать.

Резія. Вотъ я и тутъ. Резіута маленькое мѣстечко, лежащее у горъ на большой Миланской дорогѣ. Я нашелъ тутъ капеллана въ гостинницѣ. Нанявши провожатаго для переноски моей сумки, я пошелъ съ капелланомъ въ долину въ верхъ по теченію Резіи по дорогѣ, хоть и узкой, но покойной для самыхъ тяжелыхъ возовъ. За три года была тутъ тропинка, очень узкая. Долина мало по малу расширилась; показались деревеньки, а потомъ и всѣ сѣрыя горы, между которыми долина кажется дномъ котла или городища. По дорогѣ я распрашивалъ названія деревень, горъ, растеній. . . Съ нами шла женщина изъ деревни Нивы, и глядя на меня беспрестанно смѣялась... «Что же это смѣешся ты, такъ странно оглядывая синьора Русса?» — «Да какъ же? — отвѣчала она простодушно: «вы говорите, что синьоръ живетъ за 800 что ли миль отъ насъ, а пришелъ поглядѣть на насъ, и говоритъ такъ что все понимаешь, какъ будто родился въ Корушкой (Каринтіи). Мнѣ и вѣрится и невѣрится, и смѣшно!» И она опять начинала смѣяться. Въ Бѣлѣ мы зашли въ одинъ изъ дворовъ отдохнуть и освѣжиться виномъ. Старушка встрѣтившая насъ, вынесла намъ треножникъ и стулъ, и подала по кружкѣ вина; я хотѣлъ было ей заплатить, но она оттолкнула руку мою и отвѣчала: «Вотъ-на! я не продаю вина, а для добрыхъ знакомыхъ у меня есть его довольно. Пейте на здоровье, синьоръ». Черезъ четыре часа, мы были въ боргѣ Равенцѣ у приходской церкви. Сумку я оставилъ въ гостинницѣ, а самъ съ капелланомъ, пошелъ къ плебану (приходскому священнику), въ садъ. Патеръ Одорико Буттоло, добрый старикъ (ему уже 73 года), всѣмъ сердцемъ обрадовался моему приходу. «Резія и Русія одно и то же»: это его любимая поговорка, и онъ началъ ею. Онъ говоритъ по Нѣмецки, по Французски, по Латыни. Мы заговорили было по Нѣмецки; но старикъ скоро очнулся: «Мы Русскіе; для чего же будемъ говорить по Нѣмецки?» Вечерѣло. Опираясь на мою руку (старикъ уже очень слабъ на ноги), онъ повелъ меня къ своему домику, и усадилъ себя и меня на широкой каменной скамейкѣ передъ домомъ, проти ву липъ, которыя стоятъ на площадкѣ рядомъ съ моей

гостинницей, у самаго спуска въ глубь долины. Тутъ разговоръ нашь тянулся довольно долго. Плебанъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что Резія должна быть извѣстна въ Россіи. Графъ Потоцкій, проѣздомъ изъ Италіи, остановился однажды въ Резіутѣ. Резіянки случились тамъ съ виноградомъ, и обратились къ нему съ вопросомъ: *купите вина?* Славянскій вопросъ изумилъ графа; онъ сталъ распрашивать ихъ, откуда онѣ, велѣлъ себя провести въ долину, провелъ въ ней ночь и записалъ «Отче нашь». Солдаты Русскіе заходили также въ Резію, и говорили съ жителями по Русски. Позже мы перешли со старикомъ въ кухню: огонь въ ней раскладывается на полу, надъ огнемъ виситъ котелъ, въ которомъ варится полента, надъ котломъ широкая труба, спускающаяся къ низу все шире, къ стѣнамъ; близь огня горшки и вертелъ для жаренья мяса. По стѣнамъ скамьи для сидѣнья. Передъ этою частію кухни другая часть, гораздо больше, гдѣ развѣшена и разставлена посуда. Расположившись у огня, я записалъ нѣсколько пословицъ, словъ и пѣсенку, которую плебанъ позволилъ пропѣть только изъ уваженія къ Русскому моему любопытству. «Пѣть впрочемъ негодится — замѣтилъ онъ: мы должны не пѣть, а молиться Богу». На ужинъ подали *бръжолю* (печеные кусочки мяса) и *супу*. Потомъ я пошелъ въ гостинницу. Комната моя не велика; на одномъ столѣ приготовлена мнѣ постель; на другомъ лежитъ мой портфель; одинъ соломенный стулъ поломанъ, и на немъ сумка, на другомъ могу сѣсть. Окно въ долину; полумѣсяцъ освѣщаетъ дикую сѣрину и серебрится по снѣговымъ коврамъ, которыми глубоко покрыты горы почти до половины; огня уже нигдѣ невидно; Резія гремитъ.

На другой день. Цѣлый день ходилъ по долинѣ. утромъ одинъ (потому что и плебанъ и капелланъ были въ училищѣ), послѣ обѣда съ капелланомъ. Деревни почти пусты: все на поляхъ, кто копаетъ груды, кто срѣзываетъ молодыя листья съ липъ, кто таскаетъ камень; другія, сидя у работающихъ на нивахъ, прядутъ или шьютъ. Все тихо. Нѣсколько старушекъ, которыхъ заставали мы дома, расказывали намъ какъ умѣли объ обычаяхъ. Вечеръ

опять съ плебаномъ. — Завтра иду далѣе. Проводника изъ Резіанъ, выбраннаго плебаномъ, я взялъ до самой Горицы (Gorizia, Görz), платя въ день по два цванцигера (двугривенный): «Онъ вѣрный человѣкъ, и бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ», сказалъ мнѣ плебанъ. Завтра онъ долженъ придти чуть свѣтъ; капелланъ обѣщался меня разбудить.

Проѣзжая по большой Вѣно-Миланской дорогѣ изъ Дуньо черезъ Кьюзо въ Бѣлу-Резіуту (Resiuta), видишь въ лѣво надъ собою стремнины горъ: за этими горами долина Резіянская = Val di Resia. У Бѣлы-Резіуты горы раздвояются, давая проходъ рѣчкѣ Резіи, впадающей тутъ въ Клюшку воду [1]) (Fela = Бѣла? она втекаетъ съ лѣва въ Тальяменто). Здѣсь надъ каменистымъ ложемъ рѣчки по отлогости горъ съ лѣва продѣлана за три года передъ этимъ довольно покойная шоссейная дорога въ долину. Идя этой дорогой четверти три часа, встрѣчаешь крестъ съ образомъ Богоматери: святая дѣва изображена сидящею на облакахъ, поддерживаемыхъ двумя ангелами, а два другіе сверху вѣнчаютъ ее короной. Подъ образомъ подписано: «S. madonna e protetrice del commune di Resia». Тутъ граница собственно долины Резіянской.

Дорога идетъ далѣе черезъ деревню Бѣлу (tä na Bili) [2]) и черезъ борго Липовецъ (Ljipowec), и оканчивается на серединѣ долины въ борго Равенцѣ (tä na Rawanci), иначе называемомъ Prato della madonna [3]). Около небольшой площади стоятъ тутъ приходская церковь Успенія = di S. Maria Assunta di Resia, домъ приходскаго священника, приходское училище, три гостинницы

---

[1]) Названія «Клюшка вода» мнѣ не удалось слышать.

[2]) Теперь «ta na Bili» употребляютъ Резьяне для названія фурланской мѣстности Резіуты (Resiutta), первую же со входа въ долину Резіанскую деревню (по Итальян. S. Giorgio) они зовутъ «tù u Bili» или «tò u Bili», смотря по говорамъ.

[3]) Теперь просто «Sul Prato».

(osterie), и двѣ липы, священныя въ преданіи Резіянъ[1]). Гостинница у липъ лучшая; тутъ путникъ можетъ получить довольно покойную комнату съ видомъ въ долину.

Лучше впрочемъ оглядѣть долину съ колокольни Успенской церкви. Въ длину она не болѣе 6 верстъ, въ ширину въ самомъ широкомъ мѣстѣ не болѣе 2-хъ верстъ. Горы, изъ которыхъ нѣкоторыя до іюня покрыты снѣгомъ, поднимаются стремнинами со всѣхъ сторонъ. (Вотъ названія этихъ вершинъ, начиная отъ входа въ границы обчины: подъ пограничнымъ крестомъ поднимается Ruštja, далѣе слѣдуютъ Zahàta, H'slá, Pÿsty hözd, Särt, Tianin, а противъ нихъ съ другой стороны долины идутъ къ границѣ: Baba, Kÿla, P'rwalo, Muzac = Muzy [2]), Škarbina). Всѣ онѣ составляютъ высокій валъ, кое-гдѣ болѣе поднявшійся, кое-гдѣ нѣсколько залегшій, повсюду въ вершинѣ своей голо-каменистый и утесистый. Между вершинами Тіаниномъ и Бабой беретъ начало свое Резія и искривленнымъ полукругомъ съ востока къ юго-западу [3]) течетъ вдоль по долинѣ. Въ трехъ верстахъ отъ ея истока спадаетъ въ нее Потокъ (Potók), не много ниже другой потокъ Бермень [4]) (Bärmän) и верстахъ въ двухъ ниже его Черный потокъ (Čärny potók), всѣ три съ лѣва. Меньшіе потоки горные текутъ въ Резію съ обѣихъ сторонъ, межь камнями и зеленью, примѣтные только по журчанію. Каменистыя дикія побережья Резіи и потоковъ, въ нее впадающихъ, какъ и вообще всѣхъ водъ въ этихъ мѣстахъ, разъ въ десять шире сама̀го ложа. Отъ побережья поднимаются зеленистые наклоны (brjehi), потомъ выше — равницы (rawnice), во всей долинѣ одинаково возвышенныя надъ водою, далѣе поднимаются полонины (planine), плодоносныя отлогости, покрытыя травой или лѣсомъ (hözd), а за ними начинаются утесы горъ (klanci, rôby), кое-гдѣ поросшіе рѣдкимъ лѣсомъ, а болѣе

---

[1]) Въ настоящее время съ этими липами не связано никакое преданіе, и онѣ просто только липы (lypa).

[2]) *Müzac* есть названіе Резьянское, Monte de' Musi — Итальянское.

[3]) Скорѣе къ сѣверо-западу.

[4]) Лучше, можетъ быть, было бы назвать его по-русски *Барманъ* или же *Борманъ*.

голые. Жилища большею частію помѣщены на равницахъ, окруженныя полями и деревьями, изъ которыхъ прежде всего бросаются въ глаза липы, поднимающіяся въ верхъ какъ тополи высоко столбами (боковыя вѣтви ихъ подрѣзываютъ для корма коровамъ, и отъ этого онѣ растутъ въ верхъ). Все вмѣстѣ представляетъ картину прекрасную, но и пустынную, дикую; сѣраго цвѣта камня въ двое болѣе нежели зелени, а вода блеститъ едва замѣтно.

Русскій войдетъ въ эту долину не какъ чужой: его поймутъ хотя сколько нибудь, его примутъ ласково, радушно. Правда, что почти никто въ Резіи не слыхалъ о Россіи [1]), но многіе съ родственнымъ чувствомъ услышатъ Русскіе звуки.

Жителей въ Резіи, по схиматизму 1841 года, 2767. Каждогодно рождается отъ 70 до 90, умираетъ отъ 60 до 70, браковъ бываетъ около 10—12 [2]).

Народъ большею частію средняго роста, хорошо сложенный, довольно красивый, впрочемъ безъ особенной характеристики физіогноміи; крѣпкій, здоровый. Зобастыхъ и кретиновъ, которыхъ такъ много въ сосѣднихъ Нѣмецкихъ горахъ, тутъ вовсе нѣтъ.

Люди веселые, добрые, безъ сильныхъ страстей. Месть была когда-то подчинена особенному закону, но теперь и этотъ законъ и она сама остаются только въ преданіи: мѣсто мести заняла теперь любовь помагать другъ другу, и всѣ жители долины кажутся какъ бы однимъ большимъ семействомъ.

Всѣ они свободны, платя обычную подать. Въ церковномъ отношеніи они составляютъ одинъ приходъ. Кромѣ главныхъ четырехъ деревень (tä na Solbici, tä w Oseani, tä na Njiwi, tä na Bili) есть еще въ долинѣ четыре борга (tä na Rawanci, tä u Ljipowci, tä na Kuryte, tä w Učji) и нѣсколько малыхъ поселеній (ta na Kryžacich, ta za Mlyn, Holištje, Martin na Lazu, Hözd,

[1]) Теперь всѣ Резіяне знаютъ о Россіи.

[2]) По народной переписи 31 декабря 1871 г., всѣхъ Резьянъ оказалось 3,275 (изъ нихъ 2,537 было на лице въ Резьянской долинѣ, остальные же, 738, ушли за заработкомъ въ разныя мѣста Италіи, Австріи и Германіи. Въ 1872 году родилось въ Резьи 113, умерло же 100 человѣкъ.

Ljištjaca, Stary mlyn, na Čärnÿm potoci, u Čärnÿm potoci, pod Ruśtju, na Hospodnÿci). Изъ этихъ поселеній замѣчательно Успенское (na Hospodnÿci): оно близь пограничнаго креста; жители сохраняютъ о немъ преданіе, что тутъ жилъ ихъ общій предокъ, пришедшій изъ какой-то «Руссіи»; дѣти его поселились въ Бѣлу и построили церковь во имя св. Юрія, который до сихъ поръ остается народнымъ патрономъ всей долины.

Постройка домиковъ (khjiša) и домашнее устройство почти какъ и всюду во Фріулѣ. Всѣ домики выстроены изъ камня (pötj) и покрыты черепицей (črepica). Бѣдные довольно бѣдны: прямо съ надворья входишь въ избу (ispa), совершенно закоптѣлую; кругомъ лавки (mize, deske), надъ лавками полки съ посудой (poljice za posodbo); въ серединѣ или въ сторонѣ каменный помостъ (ohnjištje), на которомъ раскладывается огонь, а надъ нимъ виситъ котелъ (štanjeda), въ которомъ приготовляется полента. Утромъ и вечеромъ изба наполняется дымомъ, такъ что невозможно войдти. Рядомъ съ этой избой, тоже прямо съ надворья, другая небольшая, съ постелью, безъ печи (kryžica čumnata). Подлѣ домика стоитъ хлѣвъ (chljïwc) для коровы и свиней, обваленный хворостомъ для топленья. Впрочемъ только у бѣдныхъ такія жилища. У зажиточныхъ домикъ строится въ три яруса: внизу чуланы и кухня съ огнищемъ; въ серединѣ жилые покои (chrambe) со стульями (stôli) и столами (mize)[1]), иныя съ печьми (farni); вверху горище, служащее и вмѣсто чулана (chljïw); хлѣвъ съ боку; дворикъ обнесенъ каменною стѣною, съ воротами, нерѣдко очень красивыми, съ внутреннымъ замкомъ (kjučanica); иной добрый хозяинъ имѣетъ и цистерну съ водой (peč). Улички (stähnice)[2]) между домами такъ тѣсны, что не только возомъ, но и лошадью повернуться было-бы негдѣ. Садовыя деревья — яблоки, груши, вишни, черешни — около жилищь; за ними нивы (njiwe).

---

1) *Miza* означаетъ по резьянски *скамью*, столъ же они зовутъ *tàwola*.

2) Слова *stähnice* я вовсе не слышалъ; узенькія же улички позади домовъ извѣстны, если не ошибаюсь, подъ названіемъ *jindrinice*.

Каждое семейство (kutja) [1]) живетъ отдѣльно. Немногіе имѣютъ прислугу, и то изъ бѣдныхъ родственниковъ и сиротъ. Работаютъ всѣ все, безъ различія пола: мужчины и женщины вмѣстѣ—и обдѣлываютъ гряды для посѣва, и косятъ, и жнутъ, и собираютъ виноградъ, и варятъ кушанье, и ткутъ, и прядутъ, и строятъ домы. Бѣдность долины заставляетъ впрочемъ многихъ изъ мужчинъ уходить изъ долины въ Краину, Каринтію, даже въ Вѣну, и заниматься тамъ продажей плодовъ и т. п., или поденщичать. Въ Вѣнѣ Резіянинъ не рѣдкость: по аллеямъ гласиса они продаютъ апельсины, орѣшки, разныя сласти; въ Краинѣ ихъ можно видѣть съ ихъ крозмами (krozmo) — ящиками, наполненными разнымъ мелкимъ товаромъ: Резіянинъ носитъ его на плечахъ, какъ Словакъ, заходящій къ намъ изъ Турца, свою аптечку. Женщины — или продаютъ въ окрестностяхъ домашнія мелкія издѣлія, или даже и просятъ милостыни у сосѣднихъ Краинцевъ. Дома никогда не бываетъ болѣе $^3/_4$ жителей.

Земледѣліе въ бѣдномъ состояніи. Нивъ очень мало, да и тѣ очень дурны, каменисты, и сколько ни унаваживаются, даютъ очень малый прибытокъ, недостаточный для прокорму жителей. Сѣется болѣе всего пшеничка (fromentin) и картофель (kartjufle) [2]), кромѣ того немного ржи и пшеницы, горохъ, бобы, огородная зелень и ленъ (njil) [3]). Гряды (širaci) для посѣва—настоящія огородныя гряды, обдѣлываются руками съ помочью лопатъ, мотыкъ, молотовъ (pála [4]), motÿka, kjač), такъ что ни плуга или сохи, ни лошади, ни вола нѣтъ въ цѣлой долинѣ. Садовъ (wàrti) нѣтъ почти; лучшіе принадлежатъ священнику. Виноградники (ghrazdowniki) даютъ вино довольно порядочное, но мало [5]). Охота бѣдная: кое-

---

[1]) Слово *kutja* мнѣ совершенно неизвѣстно.

[2]) Слова *fromentin* для названія пшенички я не слыхалъ; картофель же зовутъ Резіяне *krampîr*.

[3]) Теперь *ленъ* зовутъ *lan*, а не *njil*.

[4]) Лопата по Резьянски *lapáta*, а не *pála*.

[5]) Теперь Резьяне вовсе не получаютъ вина изъ своихъ виноградниковъ. Виноградъ здѣсь не можетъ созрѣть, вслѣдствіе того, что Резьянская долина закрыта съ юга громадными горами (Monte de' Musi и т. д.), и солнце видно въ ней далеко не цѣлый день, а только извѣстную часть его.

когда попадется заяцъ, а уловить серну — праздникъ для цѣлой долины [1]). Скотоводство то-же бѣдное: счастливо семейство, имѣющее десятка полтора ягнятъ, козъ и свиней, да корову или двѣ; а быкъ всегда есть общее имущество нѣсколькихъ семей. Нѣкоторые жители разводятъ пчелъ (bečule), но и имъ тутъ не житье, не приволье: хозяинъ долженъ лелѣять ихъ больше родныхъ дѣтей. — Холстъ (pärt) бѣлый, черный и цвѣтной, сукно (sukno) больше бѣлое, и полусукно сѣраго цвѣта (tjûmažat) [2]) жители приготовляютъ сами, и довольно искусно, дѣлаютъ посуду и проч. Дѣятельность всюду, но не много проку отъ этой дѣятельности.

Главная пища — полента (polenta, Волошская мамалыга). Ее приготовляютъ каждый день утромъ и вечеромъ: кусокъ поленты съ солью и зеленью, кусокъ сыра (sÿr), яичница съ кусочкомъ хлѣба да стаканъ вина, — и Резіянецъ сытъ. Мясная похлебка (minještra) и мясо, изъ котораго они приготовляютъ боржолю (b'ržola-Rostbraten) — праздничная вещь. Природа пріучила Резіянъ къ умѣренности такъ, что и получая въ двое, въ трое доходу противъ обычнаго, онъ остается при полентѣ, яйцахъ и винѣ, и улыбается разрѣзывая кусокъ мяса. Полента и бѣлый хлѣбъ (chljibac) приготовляются какъ и во всей сѣверной Италіи и нравиться могутъ только привыкшему къ такой пищѣ. Резіянамъ извѣстны и водка (žganje), пиво (ul), медъ (stärt); но лакомиться могутъ по немногу только послѣднимъ.

Мужчины одѣты по-Фурлански и по-Нѣмецки: куртка или полуфракъ (köbönj) на жилетѣ (pet), узкое исподнее платье (chlače) [3]), сапоги (skôrnice) или башмаки кожаные (čriwje) или деревянные (cokline) и шляпа (klöbük) или шапка (bareta), — вотъ и весь нарядъ. Женщины надѣваютъ на короткую рубашку (srak'ca) корсетъ (pet) съ пуговками подъ шею, сверхъ него черное платье безъ

---

[1]) Не такъ давно водились въ Резьи медвѣди, про охоту на которыхъ существуетъ много занимательныхъ разсказовъ.

[2]) Слово *tjumažàt*, сколько мнѣ извѣстно, обозначаетъ не полусукно сѣраго свѣта, но извѣстную часть женскаго платья.

[3]) Слово *köbönj* мнѣ не извѣстно. Брюки же они зовутъ *barhese*, между тѣмъ слово *chlače* служитъ у нихъ исключительно для обозначенія чулковъ.

рукавовъ (tjumažát), растегнутое на груди и со складкой у колѣнъ, перепоясанное чернымъ поясомъ (pas); на головѣ или цвѣтной платокъ (facolet) или бѣлый платокъ (pétja), красиво повязываемый длиннымъ узломъ съ боку, такъ что концы висятъ и лобъ до половины закрытъ [1]), а правое ухо и затылокъ открыты; на ногахъ бѣлые чулки (škufony) и башмаки (čriwje). Въ ненастное время сверхъ «тюмажата» надѣвается короткая кофта (suknja), суконная цвѣтная съ рукавами. Иныя носятъ на груди платочки, но это не народная украса. Въ ушахъ серьги (retjine). Перстень (pärstän) носятъ только замужнія [2]). Волоса заплетаютъ на затылкѣ вѣнцомъ. Въ старину нарядъ невѣсты отличался вѣнцомъ узкимъ изъ зеленаго бархата обвитаго золотою ниткой (wjinc) и съ зади прикалывалась къ нему кисейная фата (petjina) длинная, широкая, такъ что можно было огорнуться ею какъ плащомъ; это ужъ вышло изъ обычая.

Резіяне (всѣ римо-католики) очень религіозны. Кромѣ главной церкви Успенія есть еще четыре въ каждой изъ главныхъ деревень. Вліяніе священника чрезвычайно сильно. Всѣ называютъ его своимъ господиномъ (naš ghospôd), и всякое слово его считаютъ закономъ [3]).

На 1-е мая въ день освященія главной приходской Успенской церкви, бываетъ у Резіянъ праздникъ — Майникъ (Majnyk). Въ прежнее время совершались въ этотъ день особенные обряды; но они мало-по-малу вліяніемъ священниковъ вытѣснены, такъ что теперь не позволены въ этотъ день, по крайней мѣрѣ въ Равенцѣ, ни танцы, ни музыка, ни пѣнье. Въ каждой изъ четырехъ

---

[1]) Къ теперешнему костюму Резьянокъ принадлежитъ не цвѣтной или бѣлый, но черный шелковый платокъ, такъ что Резьянка должна быть одѣта съ ногъ до головы въ черномъ.

[2]) Кольца (parstan) носятъ теперь не только замужнія, но и многія дѣвушки.

[3]) Въ настоящее время вліяніе священниковъ гораздо меньше «Своимъ господиномъ» ихъ теперь вовсе не называютъ. Общее названіе для всѣхъ священниковъ есть *jcéro* или céro (въ нѣкоторыхъ деревняхъ на югѣ отъ Резьи jéro), и затѣмъ отличаютъ плебана, капеллана и т. п. Слово gǒsput или fe hǒspüt произносится въ Резьянскихъ говорахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

деревень бываетъ свой храмовой праздникъ, въ дни св. Юрья, Флоріяна, Вита и Карла. Особенно праздуются дни Витовъ и Юрьевъ. Вечеромъ бываютъ танцы и пѣсни, что впрочемъ скрываютъ отъ священника. Резіяне ждутъ съ нетерпѣніемъ этихъ дней. Въ старину въ день Юрьевъ деревянный ликъ этого святаго носился на высокомъ шестѣ, украшенномъ бумажными цвѣтами и лентами, по всѣмъ деревнямъ. Изъ Бѣлы, гдѣ празднуется этотъ день, послѣ обѣдни, его несли въ Ниву, и тамъ ставили на полѣ въ серединѣ между столами, за которыми всѣ собравшіеся вмѣстѣ обѣдали; потомъ въ Осеанъ и Солбицу, жители которыхъ должны были потчивать всѣхъ виномъ. Въ Солбицѣ ликъ ставился въ церковь, а народъ пилъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ до вечера; вечеромъ же при свѣтѣ зажженныхъ хворостинъ ворочались всѣ съ ликомъ св. Юрія въ Бѣлу, и снова пили, пѣли, плясали — до полуночи. Съ ударомъ полуночнаго колокола пѣлась всѣми духовная пѣснь св. Юрью, и потомъ расходились по домамъ. Въ день Витовъ (15 іюня) было то-же что-то подобное, между прочимъ вили вѣнки изъ плюща (tarpytyka). Теперь все это запрещено, — и въ памяти осталось, вмѣстѣ съ свѣтлымъ образомъ народнаго праздника, сожалѣніе объ утраченныхъ радостяхъ. На канунѣ Иванова дня по горамъ раскладываются огни (kres), молодежь сходится смотрѣть на огонь, болтать; ни обрядовъ, ни даже пѣсенъ и пляски уже нѣтъ. Передъ праздникомъ Рожества Христова (Winachty) празднуется коляда (koljida), но безъ особенныхъ обрядовъ.

При рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ бывали прежде также обряды, но теперь почти ничего не осталось кромѣ печенія бѣлой булки — «погача» (pogača).

Священники старались заставить народъ разлюбить и пѣнье пѣсенъ, и успѣли. Пѣсни народныя почти всѣ забыты, а вмѣсто нихъ поютъ Фурланскія. Немногія оставшіяся имѣютъ странныя мелодіи въ родѣ южно-Русскихъ обрядныхъ и свадебныхъ [1]).

---

[1]) Теперь Резьяне поютъ значительное количество пѣсенъ; но у нихъ есть для этого только два напѣва: одинъ меланхолическій, заунывный, другой же веселенькій, напоминающій собою Хорватское *коло* Венгерскій *чардашъ*, Га-

Музыкальные инструменты — гусли ('oslje) въ родѣ цитры и флейта. Была прежде и волынка (dudy), теперь остается только одна въ цѣлой долинѣ у одного нищаго старика въ Осеани [1]).

Пляска Резіянъ (Rezianka) оригинальна и прекрасна. Танцуюшіе становятся въ два ряда шагахъ въ 10-ти рядъ отъ ряда, мужчины противъ женщинъ, тѣ подбоченясь, а эти сложа руки на груди и опустивши голову; рядъ подходитъ къ ряду два раза; сошедшись въ третій разъ пары кружатся на одномъ мѣстѣ; потомъ снова расходятся, но уже такъ, что въ правой каждый мужчина держитъ женщину, и каждая пара подаетъ руки двумъ другимъ. Составивши кругъ, идутъ кругомъ сначала направо, потомъ налѣво; потомъ пары распускаются и идутъ шагомъ одна за другою, напѣвая пѣсню. Прошедши круга два-три, мужчины опять отдѣляются отъ женщинъ, становясь одни противъ другихъ рядомъ, — и танецъ начинается снова.

Священники, имѣя сильное вліяніе вообще на народную старину Резіянъ, не могли оставить и суевѣрій; а истребляя ихъ, истребили съ тѣмъ вмѣстѣ изъ памяти народной и много добраго, что считало суевѣріемъ ихъ собственное суевѣріе. Немногое осталось у старухъ, но и тѣ стараются забыть, что знаютъ. Такъ медицина народная совершенно исчезла; а капелланы, принимающіе на себя должность лѣкарей, далеко не могутъ замѣнить ее своимъ незнаніемъ.

лицкую *коломыйку*, Польскаго краковяка и т. д. Подъ этотъ послѣдній напѣвъ Резьяне танцуютъ свою народную пляску: — священники теперь не запрещаютъ Резьянамъ ни пѣть, ни танцовать, и еслибъ даже запрещали, то никто бы ихъ не слушался. — Другое дѣло ихъ южные Словинскіе сосѣди, которые вполнѣ подавлены деспотическимъ авторитетомъ священниковъ, и которые, подъ благотворнымъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, забыли во многихъ мѣстностяхъ и народную пляску и народныя пѣсни.

[1]) Названій 'oslje и dudy я не слыхалъ. Теперь употребительны въ Резьи cîfira (скрипка), búnkalica (віолончелла? басъ) и rimónika (гармонія?)

СЛОВИНЫ.

— Куда-же пойдете отъ насъ? — Какъ-то спросилъ меня добрый священникъ Резіянскій, когда мы сидѣли съ нимъ на камнѣ передъ его домикомъ, и любовались видомъ горъ, поднимающихся огромнымъ утеснстымъ валомъ на югъ отъ долины Резіянской.— Мнѣ-бы хотѣлось — отвѣчалъ я — пробраться къ *Словинамъ*; въ Каринтіи слышалъ я, что гдѣ-то во Фріулѣ есть какіе-то Словины.— Какъ-же. Вонъ видите — старикъ указалъ на гору Музецъ — съ права отъ горы тропинка вьется въ верхъ по зелени, мимо лѣска, еще выше межь скалъ, и потомъ по снѣгу. Идучи по ней, нашъ братъ Резіянецъ въ три часа [1]) ходьбы приходитъ къ этимъ Словинамъ. Только теперь она опасна, гдѣ скользка, гдѣ и завалилась свѣжимъ снѣгомъ. Если пойдете и на обходъ, то все-таки за день будете по ту сторону Музца. — И потомъ старикъ расказалъ мнѣ, что слышалъ о Словинахъ; самъ онъ не былъ у нихъ никогда: — Да, побывайте у нихъ — говорилъ онъ мнѣ — у нихъ, забытыхъ всѣми, будто ихъ и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

30 Апрѣля (1841) я вышелъ изъ долины Резіянской тою-же дорогой, какою пришолъ, и изъ Бѣлы-Резіуты повернулъ на лѣво по дорогѣ въ Чивидаль, съ тѣмъ чтобы съ нея свернуть, гдѣ будетъ лучше, въ горы и пришолъ на ночь въ Терчетъ (Tarcento).

Кто ѣздилъ по дорогѣ изъ Вѣны въ Миланъ, тотъ, можетъ быть, вспомнитъ и рѣку Tagliamento или, какъ тамъ называютъ, Tajamento-Tajo, на теченье которой можно было полюбоваться съ холмовъ Венцонскихъ, какъ она, вырвавшись на волю изъ горъ Фріульскихъ, по которымъ собирала свои воды, красиво и вольно разливается по Фріульской приморской долинѣ. На этой долинѣ, по лѣвую сторону Тая лежатъ города Видемъ (Udine) и Чивидаль (Cividale). За ними далѣе на западъ поднимаются горы: съ Миланской дороги можно видѣть ихъ вершины, изъ которыхъ иныя и въ іюнѣ покрыты еще снѣгомъ. Эти горы идутъ съ сѣвера на

[1]) Три часа слишкомъ мало; нужно по настоящему 4—5.

югъ между водами Сочи (Isonzo) и Тера (Torre) къ Градишкѣ (Gradisca), и далѣе, гдѣ онѣ сливаются въ одно русло. Въ этихъ-то горахъ живутъ Словины, или Штяви (Schiavi), какъ ихъ называютъ ихъ западные сосѣди. Часть ихъ принадлежитъ къ графству Горицкому (Gorizia-Görz), а часть къ Фріулю. На сѣверъ они поднимаются къ горѣ Музцу (Muzac-Muzy), на югъ за Чивидаль. На западѣ, гдѣ только начинается долина, Словиновъ уже нѣтъ. Такъ нѣтъ ихъ во все на право отъ дороги, идущей изъ Жемоны (Gemona) въ Чивидаль; нѣтъ кое-гдѣ и на лѣво отъ этой дороги, гдѣ только горы образуютъ пологіе склоны: всѣ мѣста, болѣе другихъ привольныя, заняты Фурланами.

Въ горы Словиновъ легче всего прійдти изъ Чивидаля, поднявшись къ св. Петру (S. Pietro) и далѣе въ верхъ по потоку Надижѣ (Natisone), выходящему изъ высокихъ горъ Серпеницы и отдѣляющему своимъ теченьемъ сѣверныхъ Словиновъ отъ южныхъ [1]). Я впрочемъ, идучи съ сѣвера, изъ долины Резіянской, долженъ былъ выбрать другую дорогу. Начавши съ вершинъ Тера, я прошолъ горы Словинскія по направленію на югъ къ Надижѣ и св. Петру, и въ Чивидалѣ уже отдыхалъ отъ горной прогулки.— По всему этому пути моимъ проводникомъ былъ Тоне Бобецъ, Резіянецъ, не разъ уже проходившій эти горы. Какъ человѣкъ бывалый, онъ легко понялъ, чего ищу я, и знакомъ будучи довольно хорошо съ бытомъ народа, знакомилъ и меня съ нимъ. Тѣмъ важнѣе была мнѣ его помочь, что я не могъ надѣяться найдти много образованныхъ «домородцевъ» (патріотовъ) въ краю, гдѣ Итальянцы и Фурланы прибрали къ рукамъ всю власть, оставя

---

[1]) Потокъ Серпеница беретъ свое начало не изъ высокихъ горъ Серпеницы, но довольно далеко отъ этой мѣстности, на юго-западъ отъ нея, возлѣ деревни *Briezja* (Montemaggiore), почти на границѣ Италіи и Австріи, но еще въ Италіи. Затѣмъ, онъ течетъ на юго-востокъ, съ начала отдѣляя Италію отъ Австріи, а въ послѣдствіи прорѣзывая Австрійскія владѣнія. Послѣ двухъ изгибовъ, одного подъ Лугомъ (Lonch) къ сѣверо-востоку и, затѣмъ, подъ Кредою (Creda) рѣшительно къ югу, онъ промежь горъ Меи (M. Mia) и Матаюра (M. Matajur) врѣзывается въ св. Петровскій уѣздъ Италіи, раздѣляя его на двѣ половины, западную (меньшую) и восточную (гораздо болѣе значительную). Сѣверныхъ Словиновъ отъ южныхъ онъ вовсе не отдѣляетъ.

за Словинами только тягости сельскаго быта безъ надеждъ и часто безъ возможности помочь себѣ въ самыхъ необходимыхъ нуждахъ. Только въ селеніяхъ Терѣ (Lusevera) и Нимисѣ (Nimis) есть священники изъ природныхъ Словиновъ [1]). Имъ-то и особенно Себастіану Адами, священнику Нимисскому, обязанъ я за свѣдѣнія о Словинахъ, дополнивъ ихъ только тѣмъ, что могъ самъ видѣть или что было мнѣ замѣчено моимъ проводникомъ.

Одна только нужда могла заставить людей привыкнуть къ этимъ дикимъ погорьямъ. Каменистыя громады опускаются тамъ однѣ на другія то крутымъ скатомъ, едва прикрытымъ зеленью или лѣсомъ, то голой стѣною. Между ними прорыли себѣ и все глубже прорываютъ ложе гремучіе потоки, рѣдко выходя изъ неприступныхъ скалистыхъ береговъ. Кое-гдѣ образовались въ вѣнцѣ горъ долины, но и онѣ покрыты грядами высокихъ холмовъ, каменистыхъ и крутыхъ, скатывающихся въ глубокіе увалы. Долинъ, какъ мы ихъ привыкли себѣ рисовать, вовсе нѣтъ. Человѣку негдѣ вольно разложиться со своимъ хозяйствомъ; онъ долженъ занять или крутую покатость холма, или прижаться къ утесу, или забиться въ трущобу, и часто своими руками обдѣлывать свою бѣдную ниву, будто грядку цвѣтовъ. Въ иномъ мѣстѣ онъ едва держится на ногахъ, вспахивая крутизну холма, и радъ еще, если эта крутизна можетъ быть удобрена сажень на 15 или на 20-ть въ длину. Онъ долженъ дорожить каждымъ шагомъ, и часто стоитъ въ раздумьи у остатка лѣска, въ оврагѣ, самъ не зная, имъ-ли пожертвовать для нивы, или остаться безъ хлѣба. Съ каждымъ годомъ его положеніе можетъ перемѣниться: весенняя вода можетъ его довольно плодородную ниву покрыть грудами каменьевъ, взрыть пластъ чернозему, переломать до деревца всю его бѣдненькую рощу, или прикрыть его каменистое поле слоемъ земли, которая взроститъ хлѣбное зерно тамъ, гдѣ прежде не

[1]) *Lusevera* зовутъ Славяне не Теръ но Бардо (Bardo), Теръ (Ter) же служитъ не Славянскимъ названіемъ для мѣстности, извѣстной подъ оффиціальнымъ именемъ Pradielis. Въ «Нимисѣ» (Nimis, по слав. *Niemc*) Славянъ нѣтъ и, кажется, никогда ихъ не было; но они есть немножко по выше въ Романдолѣ (Romandolo), Чернеѣ (Cergneu) и т. д.

было и моха, запасти его цѣлой скирдой топлива, нанести на его землю обломковъ деревьевъ, или отвести въ другую сторону русло потока, на которомъ стояла мельница, его питавшая, разрушить его хижину, лишить его послѣдней пары овецъ. Глядя на эти погорья и даже не зная о бѣдствіяхъ, которымъ въ нихъ подвергается селянинъ, подумаешь невольно, что только одна неволя, одна нужда укрыться отъ непріятеля, пріютиться хоть въ безпріютьи, могла завести сюда человѣка и заставить его свыкнуться съ природой.

Всѣхъ Словиновъ въ этихъ погорьяхъ во Фріулѣ можно считать около 19,000: приходу св. Петра Терчетскаго принадлежитъ около 7,200; къ приходу Нимисскому — 3,700; къ приходу св. Петра Словинскаго (S. Pietra dei Schiavi) — 7,400; кромѣ того къ приходу св. Леонарда около 500 и къ приходу города Чивидаля около 200. Каждогодно рождается около 30—32 на 1000, и умираетъ изъ 1000 около 22—25. [1]).

Народъ болѣе, чѣмъ средняго роста, такъ что есть много и очень высокихъ. Лица вообще по размѣру роста малы. Физіогномія выражаетъ какую-то смѣлость, самоувѣренность, но вмѣстѣ и доброту. Привыкнувъ переносить тяжкіе труды, Словины равнодушны и къ болѣзнямъ. Зобастыхъ и кретиновъ между ними нѣтъ: думая, что это принадлежность Нѣмца, они и самому зобу на горлѣ дали имя «нѣмчика» (njêmčk).

Словиновъ нельзя назвать людьми простодушными: они ласковы, радушно гостепріимны; однако и осторожны, недовѣрчивы, привыкли глядѣть на жизнь съ ея черной стороны, и можетъ быть

---

[1]) По народной переписи 31 декабря 1871 г. всѣхъ Славянъ въ сѣверной Италіи (за исключеніемъ Резьянъ) было около 27,000: изъ нихъ 15,588 въ уѣздѣ св. Петра (S. Pietro degli Schiavi); остальные же въ уѣздахъ Cividale, Tarcento и Gemona. Точныхъ данныхъ о численности этихъ послѣднихъ я не въ состояніи сообщить теперь, такъ какъ у меня нѣтъ подъ рукою подходящихъ матеріаловъ; но число ихъ будетъ во всякомъ случаѣ не меньше 10,000 и не больше 12,000. Равнымъ образомъ мнѣ трудно было бы сообщить численное распредѣленіе Славянъ не св. Петровскаго уѣзда, по всѣмъ общинамъ и приходамъ; ибо только нѣкоторые изъ нихъ чисто-славянскіе, другіе же — смѣшанные, состоящіе изъ Словянъ и Фурлановъ.

отъ этого кажутся злопамятными. Притомъ они горделивы, насмѣшливы и нерѣдко буйны. Нѣтъ случая, чтобы Словинъ убилъ Словина; но убитый Фурланъ въ горахъ Словинскихъ не большая рѣдкость[1]). Словинъ смотритъ на Фурлана и Итальянца, какъ на существо, которому хотя и помогаетъ счастіе (sritja), но которое тѣмъ не менѣе какъ будто не вовсе человѣкъ, и убиваетъ его безъ угрызенія совѣсти, убиваетъ и не за важную обиду, всегда оставя при немъ кошелекъ и все, что при немъ было. Такая жалкая судьба постигаетъ иногда управителей, особенно если они забываютъ быть уважительными къ нравственности дѣвушекъ или къ старикамъ. И потомъ, если бы было въ убійствѣ и десять свидѣтелей или участниковъ, нѣтъ средства узнать ихъ: «Найденъ трупъ», «убійца долженъ быть Словинъ», этимъ и оканчивается слѣдствіе. Словинъ даже и не донесетъ о трупѣ: онъ пройдетъ мимо, не дотронувшись до него, и никому и не намекнетъ, что видѣлъ его. Не мудрено, что находятъ уже однѣ кости. — Словинъ терпѣливъ и настойчивъ, мало промышленъ и не бережливъ, а несчастье переноситъ съ твердостью, никогда не унывая. Никакія злоупотребленія не изумляютъ его: онъ ко всякимъ привыкъ подъ Венеціянскимъ правленіемъ, и многія считаетъ въ порядкѣ вещей, впрочемъ не для себя, самъ строго храня правила старой нравственности.

Платя узаконенную подать, Словины живутъ деревнями, боргами и хуторами, раздѣляясь на обчины (communi). (Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ деревень: Флайпанъ (Flaipano), Чижирья (Ciseris), Седила (Sedilis), Самарденкья (Samardenchia), Тернъ (Stella), Заверхъ (Zawàrch, Villanova), Берегъ (Brjêg, Pers), Подбердо (Podbàrdo, Cesariis), Теръ (Ter, Pradielis), Музецъ (Muzac, Muzi), Бердо (Bàrdo, Lusevera), Мякота (Mekota, Micottis), Вескурша (Wiškurša, Monteaperto), Карнахта (Karnachta, Cornappo),

[1]) Теперь ничего подобнаго не случается. Убійства очень рѣдки, и вообще безъ оттѣнка международной вражды. — Кажется, что свѣдѣнія сообщенныя на этотъ счетъ священникомъ Нимскимъ были, и для того времени ужасно преувеличены и обязаны своимъ происхожденіемъ слишкомъ опрометчивому обобщенію единичныхъ и очень, очень рѣдкихъ фактовъ.

Дебелиши (Debelis), Тайпано (Taipano), Брезье (Brjȇzia, Monte maggiore), Платища (Platistis), Просникъ (Prosnik, Prosenico), Субидъ (Subit), Малина (Malina, Forame), Чернея (Čarneja, Černjeu), Корниче (Kårniče, Monte di Prato), Визонтъ (Wizont, Chialminis), Лугъ (Lôh, Lonch), Баргинъ (Bàrhìn, Bergogna), Сѣдло (Sedlo, Sedulla), Подбѣла (Podbiella), Бурьяна (Boreana), Креда (Creda), Старое сѣдло (Staro Sedlo), Кaборидъ (Kaborid, Caporetto), Лучка (Lučka, Lugian), Дрека (Dreka, Drenchia) [1]. Многія изъ этихъ названій принадлежатъ и горамъ у которыхъ деревни лежатъ).

Домики (khiše) изъ камня, бѣднѣе нежели у Резіянъ, но тогоже устройства. Богатъ мужикъ, если у него кромѣ кухни (khiša za 'honj) есть еще отдѣльная изба (komora, čumnata) или спальня (tjamera za spat) и чуланъ (zachljȇwk, kljȇt). Иной домикъ украшенъ галереей или ходомъ (pojow); а въ дворѣ всегда есть хлѣвы (chljȇw za žiwíno). Дворъ очень часто не отгороженъ отъ двора сосѣда ничѣмъ, кромѣ кучи навоза; настоящіе заборы (hraje) рѣдки. Въ лабиринтѣ тропинокъ, идущихъ по деревнѣ черезъ дворы, можно запутаться, — и мнѣ нерѣдко случалось просить, чтобы меня вывели на тропинку, ведущую въ то или другое село, на ту или другую гору. Дорогъ вовсе нѣтъ; улички похожи на проходы. «Охъ ужъ эти мнѣ Штяви! живутъ какъ воры, ни входа къ нимъ ни выхода»: такъ мнѣ обрисовалъ одинъ Фурланъ бѣдныхъ Словиновъ, не зная, что и они, въ долинѣ, жили такъ же еще недавно.

Большія семейства часто живутъ не дѣлясь съ отцомъ или матерью по нѣскольку женатыхъ сыновей или замужнихъ дочерей. Работаютъ, какъ и въ Резіи, всѣ все безъ исключенія, лишь-бы силы достало. Такъ на одной горѣ случилось мнѣ видѣть дѣву-

---

[1]) Лугъ, Баргинъ, Сѣдло, Подбѣла, Бурьяна, Креда, Старое Сѣдло, Каборидъ и Лучка (?), лежатъ въ Горицкой землѣ въ Австріи, и тоже по отношенію къ языку не представляютъ ничего общаго съ другими рядомъ съ ними исчисленными деревнями. — Что́ же касается Дреки (Drenchia), такъ это есть единственная названная въ этой записи деревня св. Петровскаго уѣзда, между тѣмъ какъ населенныхъ мѣстностей въ св. Петровскомъ уѣздѣ около *ста* (100).

шекъ, топорами вырубавшихъ изъ земли и камней пень дерева; онѣ же должны были сами спустить его съ горы въ низъ и дотащить до дому: дружно, весело, напѣвая пѣсни, онѣ трудились, облитыя потомъ, поднялись на минуту, чтобы указать намъ дорогу, и потомъ, пожелавши намъ добраго пути, опять согнулись надъ пнемъ. Въ св. Петрѣ видѣлъ я, какъ женщины сами складывали дугу свода подъ крыльцо дома, какъ добрые домострои. Не рѣдкость застать и мужчину за стряпней или за льномъ. — Не смотря на бѣдность, нищихъ очень мало, можетъ быть по тому, что по старинному обычаю самый далекій родственникъ будетъ принятъ какъ близкій родной въ домъ, если не имѣетъ своего. Словинъ какъ будто стыдится просить милостыню: это не то, что Фурланы, у которыхъ все отъ мала до велика радо богарадничать безъ всякой нужды.

Нивы и земледѣліе въ бѣдномъ состояніи. Пшеничка главное продовольствіе; а тамъ, гдѣ она не ростетъ, сѣется рожь, просо или еще чаще одинъ овесъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ мѣстахъ Словины могутъ свои нивы пахать плугомъ (plug) и боронить бороною (hreba), запрягая въ нихъ, кто лошадей или муловъ, кто и вола съ коровой. Нивы льна (lany) обдѣлываются съ большимъ прилежаніемъ. Есть огороды (zahraje) съ зеленью, есть и садики (wàrti) близь деревень съ каштанами, фигами, яблонями, грушами, черешнями; а виноградъ (weníka) даетъ въ иныхъ мѣстахъ хорошее вино. — Охота въ горахъ довольно прибыльна: еще не перевелись ни волки, ни лисицы, ни олени и серны. Особеннаго рода сѣтью (strjêtka) ловятъ лисицъ и женщины; выступать-же противъ оленя или серны онѣ не имѣютъ права, если-бы даже имѣли случай убить его безъ всякой опасности. Стада Словиновъ состоятъ большею частію изъ овецъ и козъ. Не всякое впрочемъ семейство въ силахъ имѣть ихъ. У инаго корова и молоко даетъ, и пашетъ, и везетъ на рынокъ возъ. — Приготовленіе холста (pàrt), сукна (sukno) и полусукна (medželana) отлагается болѣе на зиму; лѣтомъ готовятъ деревянную и глиняную посуду (posoda), шьютъ платье и т. п.; осенью многіе заняты

дѣланьемъ возовъ (wozk) и горныхъ салазокъ (pásanje). Какъ ни легко смастерить эти салазки, женщинѣ однако запрещаетъ это обычай, хоть и не запрещаетъ скатываться на нихъ съ горъ. — Иные ходятъ добывать работу на фабрикахъ; впрочемъ немногимъ это нравится. Трудолюбіе Словиновъ стоитъ подражанія: случалось видѣть, какъ женщина, идучи по полю за коровой, тянущей борону, и кормитъ дитя, привязанное къ груди полотенцемъ, и тутъ же прядетъ, заткнувши прялку за поясъ; или какъ пастухъ и наблюдаетъ за своими овцами или козами, и вяжетъ себѣ чулокъ или что-нибудь шьетъ, не забывая и пѣсни.

Пища Словиновъ не замысловата, какъ и весь бытъ ихъ. Кромѣ поленты (polenta, Волошская мамалыга) или за неимѣньемъ ея, Словины приготовляютъ толстыя лепешки (mjêčike) изъ овсяныхъ или гречневыхъ крупъ; особенно ихъ любятъ пастухи. Мясо жарятъ на вертелѣ (raželj) или въ золѣ. Золяное жаркое (popjêwčka) приготовляютъ они очень искусно, особенно птицъ. Вмѣсто похлебки ѣдятъ какія нибудь разваренныя крупы, заправленныя масломъ и сыромъ. Горные пастухи приготовляютъ еще особеннаго рода зеленое масло (maz) изъ козьяго молока: оно горьковато, но со ржанымъ хлѣбомъ довольно пріятно.

Одежда мужская почти таже, что и у Фурлановъ: сверхъ рубашки (srajca), подвязанной по шеѣ платкомъ (rubač), они носятъ на ногахъ довольно узкіе брюки (br'heše), чулки (chlače) или онучи (p'rtiče), надѣвая на нихъ сапоги (karjanke) или башмаки (škarpe), а въ горахъ и деревянные башмаки (žlekule); на станѣ коротенькій камзолъ (kamžol) безъ рукавовъ, и куртку (džjakela) тоже безъ рукавовъ, или короткую свитку (zobôn) съ рукавами, а зимою или въ непогоду плащъ (plaštj) или кожухъ (kožuš); на головѣ шляпа (klabôk), или мѣховая шапка, похожая на Южнорусскую (mejchača). У пастуховъ есть еще плащъ изъ зеленой цыновки (drahelj). Усы и бороду брѣютъ, волоса стригутъ, иные впрочемъ только съ переди, оставляя съ зади очень длинные волосы. — Женщина поверхъ рубашки (srajca) съ вышитыми рукавами и воротомъ (ròkawy činjeny, wratk činjeny), носятъ

черную полусуконную юбку (medželana) на помочахъ (nardinke), или юбку съ лифомъ (čimezot), съ переди на пуговкахъ, повязываясь бѣлымъ широкимъ поясомъ (čimosa), висящимъ съ переди; иныя носятъ темную кофточку (jolajšk = džjaketa) или бѣлую суконную кофту (krožat), а зимою суконный плащь (chalja); на ногахъ чулки и башмаки (neše); на головѣ косы (kosnice) связываются съ зади большою иглою (jehwa) и затыкаются подъ гребень (čerjenk),—дѣвушки привязываютъ къ косѣ ленту (kordela), а женщины носятъ особенную бѣлую повязку (pàrtja=opjêčk) или цвѣточный платокъ (fačolet), въ ушахъ серьги (rečjine), на шеѣ монисто (wéz), на пальцахъ перстни (p'rstän), на рукѣ выше кисти наручье (zlatíca).

Словины всѣ Римо-католики и довольно религіозны. Священниковъ (plowon) считаютъ они своими господами, но довѣрія къ нимъ нѣтъ, можетъ быть потому, что они всѣ, исключая двухъ, Фурланы [1]). Иногда и священники пропадаютъ безъ вѣсти, сами на себя накликая бѣду слишкомъ свободнымъ поведеніемъ. Въ главныхъ деревняхъ находятся приходскія, въ менѣе важныхъ филіяльныя церкви; во многихъ, не говоря уже о боргахъ и хуторахъ, нѣтъ не только церквей но и часовень. Иной Словинъ полгода и болѣе не бываетъ въ церкви, моляся подорожному кресту.

Нѣкоторые старинные обычаи соблюдаются Словинами довольно твердо, не смотря на все стараніе священниковъ и самихъ управителей мѣшать ихъ исполненію. — Самый важный народный праздникъ Словиновъ — Юрьевъ день: въ этотъ день встрѣчаютъ они весну, и молятся Богу объ урожаѣ. Передъ этимъ въ масляницу (pyst) они провожаютъ зиму. За Юрьевымъ днемъ слѣдуетъ майникъ (majnik) — 1-го мая: въ этотъ день дѣвушки приходятъ въ церковь въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, а женщины съ цвѣткомъ на головѣ. На канунѣ Иванова дня празднуется «кресъ»

---

1) Это могло относиться только къ Словинамъ, живущимъ въ уѣздахъ Тарчентскомъ и Джемонскомъ; потому что въ приходы уѣздовъ св. Петровскаго и Чидадскаго всегда назначались и назначаются только священники Славянскаго происхожденія.

(krjes); особенно торжественно празднуютъ его у Мякоты, гдѣ есть прекрасное поле: на немъ раскладывается костеръ, около костра пляшутъ, взявшись за руки кружкомъ, и поютъ пѣсни; огни раскладываются и по горамъ. Передъ началомъ зимы есть еще въ горахъ праздникъ, называемый «оленицей» (jelenica), для котораго каждый юноша долженъ приготовить для себя красное знамя (khoroj). Зимою передъ новымъ годомъ (nowe ljêto) бываетъ тоже кресъ съ огнемъ, но только въ далекихъ горахъ, потому что онъ строго запрещенъ.

Пѣсень народныхъ не мало, но Словины не охотно ввѣряютъ ихъ чужеземцамъ, поютъ сами про себя. Поютъ почти однѣ женщины. Напѣвы похожи на Краинскіе; впрочемъ напѣвы обрядныхъ пѣсенъ совершенно другаго характера, почти тѣже что и у Сербовъ. Между пѣснями должны быть и историческія, по крайней мѣрѣ мнѣ удалось слышать о пѣснѣ, въ которой воспѣваются дѣла какогото «Видемскаго воеводы», родомъ Словина. Какъ бы важно было собрать эти пѣсни: онѣ были бы единственнымъ источникомъ для исторіи Словиновъ, и можетъ быть раскрылибы если не причины, то покрайней мѣрѣ обстоятельства выхода Словиновъ изъ долины Фріульской, съ береговъ Тая въ горы.

Можетъ быть есть объ этомъ хоть что-нибудь и въ ихъ сказкахъ и домашнихъ преданіяхъ, особенно въ памяти горныхъ пастуховъ, но слышать такіе расказы еще труднѣе, чѣмъ пѣсни.

Пляска Словиновъ (tä dowhi ples=kolo), извѣстная у Фурлановъ подъ именемъ «штявы» (la schiava), очень похожа на Русскій хороводъ или на Сербское «коло»: взявшись за руки кру́гомъ, ходятъ то въ право то въ лѣво и припѣваютъ. Есть еще пляска, въ которой мужчины ловятъ женщинъ (tä ženskilow): женщинъ должно быть въ двое меньше нежели мужчинъ, и онѣ составляютъ малый кругъ внутри большаго мужскаго; и тѣ и другіе ходятъ кру́гомъ въ право и въ лѣво; вдругъ женщины разрываются, и каждая старается пробиться изъ подъ рукъ мужчинъ, но не можетъ, — двѣ руки всегда готовы ее словить; когда же всѣ женщины переловлены, идутъ по трое—женщина по серединѣ, а двое мужчинъ

по бокамъ, мужчины подпрыгивая и напѣвая веселую пѣсню, женщины повѣся голову и напѣвая другую, печальную пѣсню, которая впрочемъ совершенно гармонируетъ съ веселою. Этотъ танецъ особенно пляшется на свадьбахъ.

Музыкальныя инструменты: флейта (pištjalka) и «гусли» (gôslje), подъ именемъ которыхъ иногда понимаютъ скрипку, иногда родъ мандолины. Волынка (dudy) и свирѣль (žweglica) только у пастуховъ въ горахъ. Есть и органы (brunda). Другіе обыкновенные инструменты заносятся къ Словинамъ бродячими музыкантами.

Народная наука Словиновъ оцвѣчена многими суевѣріями, какъ и всюду; тѣмъ не менѣе въ ней многое есть, на что бы должна была обратить вниманіе и ученость. Пастухи искусно угадываютъ погоду по воздушнымъ явленіямъ, изъ стариковъ и особенно старухъ есть многіе, знающіе лѣкарственную и ядную силу множества травъ и нѣкоторыхъ минераловъ; другіе умѣютъ нашептывать, магнитизировать, живить водою. Эти тайныя знанія, правда, общи всѣмъ Хорутанскимъ Словенцамъ: впрочемъ нельзя не предположить, что Словины—знаютъ все это если не лучше, то сколько нибудь иначе: ихъ знахари и знахарки (čarownik, čarownica) считаются искусными у всѣхъ сосѣдей, и не объ одномъ и одной расказываютъ, что они могутъ сдѣлать все, чтобы ни захотѣли, и знаютъ, что дѣлается на всѣхъ четырехъ странахъ свѣта.

А между тѣмъ — грустно глядѣть на Словиновъ. Отчужденнымъ отъ своихъ одноплеменниковъ, ненавидимымъ или презираемымъ своими господами и сосѣдами — Фурланами, имъ тяжело сохранять свой обычай, свою народность; а народъ, не сохраняющій народности своей, едва ли можетъ остаться при своихъ правилахъ нравственности... Фурланизмъ все болѣе вторгается въ Словинскія погорья, съ нимъ вмѣстѣ, какъ слѣдствіе боренія двухъ народностей; является и равнодушіе ко многому, что прежде было святымъ и возбуждало въ душѣ святое чувство.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ.

Послѣ посѣщенія Фріульскихъ Славянъ я незамедлилъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ въ письмахъ тѣмъ изъ ученыхъ, которымъ они могли быть занимательны, между прочимъ Ганкѣ и Шафарику. Письмомъ моимъ Шафарикъ воспользовался (какъ самъ указалъ) въ своей статьѣ о Фріульскихъ Славянахъ (Денница. 1842. 109.); а Ганка напечаталъ письмо мое цѣликомъ въ Časopisu Českeho museum. (XV:III:341—345). Позволяю себѣ повторить прежде всего это письмо, а потомъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ письма Шафарику.

I.

Письмо къ Ганкѣ.

W Starém městě (Cividale) 2 máge 1841.

O mých cestách po Kraině i po Korytanech potom, a nynj napjši Wám, nezapomenutelný W. W., aspoň několik řádek o wlaských Slowanech. Několik řádek gen, protože sem wčera wečer nenašel pokogného kauta negen k psanj, ale ani k spanj: gá nynj pjsi w kawjrně, pokud můg průwodce zděluge se s láhwičkau wjna. Dále půgdu w Goricu i k Idrianům, a newjm geště, kde nagdu pokogný kautek k psanj. I tak několik řádek. Z Tarfisu, kam sem si zašel mimochodem ze Zilské doliny, gel sem w Bělau (Resiuta) i na půl cesty, w Pontebbe, byl sem giž we Wlašch. Tu gest wše giné: giná stawba ploskokrytá, giné obljčege, mnoho černých a ohniwých očj, giné wlasy, mnoho černých i krásných, giné hostince s ohništi na podlaze, giný chléb — polenta — i bjlý twrdokamenný chléb, giný gazyk — ni slowa po německu — wše po furlansku. Abych nezapomněl o furlanském gazyku: krásný, sladozwučný, bohatý gazyk; wlaským žargonem ho hřjch nazýwati, protože w něm gest mnoho starých forem sbližugjcjch geg wjce se španielským i francauzským. Gestiť užjwán negen we Friaule ale i w Gorici i do samého Trsta. Nedáwno se začalo též mysliti o friaulské (furlanské) literatuře, i

přeložili giž po furlansku celau Eneidu, něco z Tassa, wydali něco básnj, několik kalendářůw, ano našli i několik zlomkůw z dáwnjch časůw. Buďto gak bud' wšak gá furlansky nerozumjm, i mně se tu wedlo dosti zle. W Dulji sem obědwal; zde na štěstj hospodář rosuměl německy. W odpowěd na mé otázky začal mi powjdati, gak se mohu dostati w Rezianskau dolinu. «Ano co gá! tuhle gest kaplan z Rezie» prawil on, přetrhuge sám sobě a ukazuge na mladého černopunčošnjka, zapjwagjcjho wjnem polentu. Gá k němu po německu. «No capisco! Ma signore parla italiano?» To byla uloha, do té doby sem nikdy nemluwil wlasky. «Ma, wy gospóne, wy goworite po rezianski? odpowěděl sem mu otáskau. «Un po»,—a šlo to lépe: mjchage wlaské s resianským (t. g. on s rezianským a gá, sám newjm s gakým slowanským nářečjm), rozuměli sme druh druhu a shodli sme se. Opauštěge zewrubnosti, powjm, še sme byli za tři hodiny w Rezii. Cesta z Bělé w Reziu gest pokogna (udělána gest teprw před třemi lety) a hostincůw w městečku Rawenci wšech tři, a geden welmi pěkný. Ostatek dne sem strávil s kaplanem i s farářem, poctiwým starcem 73 letým. Dwa dni byli mně skoro dostatečni ku poznánj netoliko wšeho hlawnjho týkagjcjho se nářečj i obyčegůw rezianských, ale i obegjti celé audolj: farář mi wyprawowal o starožitnostech (gestiť rodem z Rezie) a kaplan mne wodil po wsech i po sedlácjch. Audolj newelikė as mjli dlauhé a něco přes čtwrt široké, a obywatelů dwa tisjce sedmset šedesat sedm dušj, bydlegjť we 4 wsech: w Bělé, Niwě, Oseani i Solbici (tae po Bjilê, tae na Njiwê, tae v Oseanê, tae v Solbicê); we čtyrech městečkách: w Rawenci, w Lipowci, w Kurytise i Učeji (tae na Ravancê, tae u Lipowen, tae v Kurytisu, tae na Učeê), a kromě toho w rozličných dworech (tae Kryžecych, tae za Mlynom, tae u Kolyštji, tae u Martina na Lazu, tae u Hözdi, tae u Lištjacê, tae na Starym mlynu, tae na Černym potocij; tae u Černym potocij; tae pod Ruštji, tae na Gospodnici. Zwlášť to gest pamětihodno o poslednjm dworu, že zde, gak powěst hlásá, žil společnj předek rezianský, přišedšj z «Rušie» t. g. z Rusie, gak

to wykládá reverendissimus dominus Odorico Buttolo. «I patron gest gak zde tak u wás geden swatý Giřj», připogil on, opakuge mně podanj o Rušii, když sem se chtěl zewrubnègi o něm dowěděti. W Rawenci gest hlawnj chrám, a w každé wsi gest také kostel. Wše to obywatelstwo člowěčj nacházj se we střednjch pruzjch lože audolnjho: dole sau kamenité luhy bez ljstka zelenosti, i po kamenj teče Rezia i tri potoky w ni padagjcj, a nahoře gsau holé, diwé sotwa přjstupné strminy. Chudoba a nic giného, lid ostatně promyslem sobě pomáhá gak může: mužštj chodj w Krainsko i dále nádeníčit, ženštiny prodáwagj w sausedstwu práce rukau swých aneb prosj. Domky gsau wše wlaské stawby i mnohé welmi pěkny w dwoge i troge poschodj, se stukaturau, objleny, ohrazeny zdj, často wystrogeny wnitř. Uličky gsau úzky gako stezky; ano nenj proč, aby širšj byly: w celém audolj nenj ni gednoho wozu, ni gednoho koně, ni gednoho wola; chodjt pěšky, a pole gsau tak špatná i malá, že gich rukama wzdělávati třeba. Gsau zahrady, gsau i winohrady. Hlawnj potrawa obywatelům gest polenta, sýr, wegce, zelenina; wepřowé i howězj maso gest řjdkost. Oděw mužský gest německo furlanský, ženské nosj tumažát černý se skladkau u kolen, podpásaný černým pásem i barewný facelek aneb bjlau pétu na hlawě: oděw prostý ale přjgemný, zwláště se mi ljbj péta wýborně podwázaná na stranu, tak že leb polokryge a po odkryté prawé straně hlawy wisj široké konce petle, přidáwát obljčegi gakausi lehkost i smělost. Reziané gsau lid weselý a byliby geště weselegšj, kdyby gim nedotjrali, že weselost nenj kwět tohoto swěta. Hlawnj slawnost gest «Majnik» prwnjho máge, w Rawenci u farnjho kostela, a proto bez pjsnj a tance; ale za to druhé (Wjta, Giřj, Karla i Floriàna) a wůbec wšecky neděle bez tance i pjsnj se neswětj. Rezianka gest krásný tanec, mužštj se stawj řadem proti ženskému řadu, řad s řadem se scházj i rozcházj, potom páry taucugj na gednom mjstě, a pak se sestawuge kolo a točj se okolo sebe wprawo i wlewo, na konec páry gdau za sebau gako w polonézu i zpjwá se pjseň; takt gest $\frac{3}{4}$. U wás w Praze gest mnoho milownjkůw a milownic rozličných

slowanských tancůw, ať přigmau také i Rezianku w čjslo obljbených tancůw; ona za to stogj, a wašj české polce gest přjbuzna aspoň w taktu. Pjsně pěgj rozličné ano i mnoho furlanských. Z domácjch gest neyobljbeněgšj o krásné ručičce.

1) Da ljipa moja rokica
Jäz si tc rudy [1]) ljipila
Kako ty si mi zabyla
Na to dobro ke si ty 'tyl [2])
Da dobry vyčjir, dobro nuť
Zaspet se vydijť druho nuť
2) Bä jäz by byla vydäla
Da ina taka ty maš byt,
Ja ty bou rajši te vstralyt
A nikoj s täbô romonyt [3])
Da dobry vyčijr a t. d.

A hle gak se modlj Rezianec: «Otja naš, ky ste tä v nebe, svétô bodê vašé ime: pride kh nän vaša krajuska, bodê zdjilana vaša sveta volontát takoj v nébe pa tä na zämjê; dajte nän vsakidanji krôch; odpôstite nän naše grjiche (doljche), kakoj my odpuštjúvamo našin dužnikän, nezapejite näs tä u tentación, ma wybrânite näs od khudegha krivêgha. I tako to bodê».

Welmi litugi, že nemám při sobě Slawjna Dobrowského, mohlbych to srownati co gest tam powěděno o Rezianech, i porownati s tjm co sem sám widěl. Můg průwodce gest Rezianec i hotow odpowěděti na každau otázku o Rezii A hle již gest osm hodin, a můg Tona sedj před prázdnau láhwicj. Budu psáti, kam přigdem, dále, a teď na cestu. S Bohem!

W Gorici 3. máge.

W Gorici již nenj gako we Wlašjch (t. g. w těch kde sem gá byl): geště wšecko wlaské t. g. furlanské, sám gazyk panugjcj gest furlanský; než hostince gsau po německu, i w pokoji nacházjš

---

[1]) wždycky; [2]) chtěl; [3]) mluwiti.

stolici i stůl. S Tonau sem se rozlaučil, on šel se mnau od Rezie do Gorice, a teď šel domů neykratšj cestau přes Flič čili Uoc, gak ho domácj nazýwagj. Z Fliče se obrátil w lewo po horské stezce do hor, a přes horu Babu spustj se we swé audolj. Hory tam gsau zawaleny geště sněhem, ale stezka gest prodělana, protože Rezianė obyčegně po nj chodj w Kraïnu. Šťastnau cestu, Tonu Bobcu, a gá se posadjm napsat wám geště několik slow o Slowinech či Šťáwech, gak ge Furlané gmenugj. Z Rezie sem šel do Wencone, w Džemonu, Tračento i z Tračenta obrátil sem se w lewo w hory. Stezička šla do wrchu po potoku Teru po horách, po kameņj welmi trapliwá ač i romantická. Za dwě hodiny chodby ustaneš tak, gakobys šel celý den. My sme šli, šli i sedli, sedjme a šwástáme: tam gde horál, wede kráwu. «Laudato sei'l nome di Christo!» «Sęi laudato» odpowjm gemu i ptám se: «A vy nejste truden?» Horál se zastawj, wywalil oči, ani slowa w odpowéd. «Odkod pa ste, gospone?» — «Sym brater vaš Slavin». — «Iz Rezii»; doložil Toni. «Ahá! a kam grjete?» — «W Ter». Ale nicméně našemu horálu těžko bylo k sobě přigjti, gak se podiwil, a že gá nemluwjm furlansky, nechtěl nikterakž wěřiti. Furlanismus tu panuge w takowé moci, že Slowini se i modlj, i poučugj kázanjm, i učj se we školách wšecko furlansky, čili wlasky. Za dwě hodiny přišel sem potom w Ter (po furl. Lozéwar), kde sem se nadál nalézti kaplana rozeného Slowína. Přigdu k němu, a on se podiwil neméně onoho horála, uhostil mne gak mohl, i wyprawowal o swých kraganech wše co znal i wše co zpomněl. Dále po horách šel sem na geho radu i po geho maršrutě. Druhého Slowina sem našel w duchownjm w Nimise, i netoliko Slowina, ale i Slowence, ze wšj duše rmautjcjho se nad tjm, že oni Slowini gsau odděleni od swých illyrských bratřj, a že se musegj wjc a wjce furlančiti. Toliko tito dwa duchownj gsau zde ze Slovinůw, ostatnj wšickni gsau Furlani, a ani slowa nerozumégj slowansky. Slowinůw žigjcjch w zdegšjch horách možno počjtati neméně 19,000. Země chudá, chudi i oni. Domky gako u Rezianůw z kamene, na wzor furlanský, špatněgi a ne tak čisty. Strawa ta samá, oděw

skoro ten samý: mužštj po furlansku, ale chudě, a ženské nosj čimezot podobný tjumažatu rezianskému, podpásaný čimózó, bjlým širokým pásem, a na hlawě fačolét čili opječô, skoro gako Čéšky. Jurjew den gest neyznamenitěgšj národnj slawnost: w ten den Slowini potkáwagj garo (Wesnu) a modlj se Bohu za aurodu. Před tjm w «půst» podobným způsobem se národ weselj, prowázege zimu. Druhé národnj slawnosti gsau gako u Rezianůw i druhých Slowan. Národnj tanec «tâe douhi ples» ginač se nazýwá «kolo»; a Furlani ho gmenugj «la schjava», w způsobu ruského chorowoda: wzawše se ruce, w kruh chodj w prawo i w lewo, i zpjwagj. Podlé Mekoty gest překrásné pole, w «kres» (w kupadla, den sw. Jana křtitele) shromáždj se sem množstwj lidu, sestawuge se kolo osmdesáti pârůw, i pleše okolo ohně přizpěwuge pjseň:

P'ršou krjes, p'ršou krjes!
hori drvo, hori ljes! tridlalaj laj
dalaj la da la hori ljes!

P'ršou krjes, kos oves.
hori trava, hori vez! tridladlai
etc.

Zde máte slowinský Otčenáš 1) gak se ho modlj na sewеru a 2) gak se ho modlj na gihu:

1) Otja naš ke ste na nebósach. Santifikano bodi vaše ime, pridi nan vaš reń; storina bodi vaša vôlôntád na nébe koj na zomji; dajte nan sakdášuji kruch, perdonajte naše douhe, tej ke mij perdonáwamo našin doužnikan, nenaájte nan spasti to u tentaciôn, ma liberajte nas od slabaa.

2) Otča nač, kjer ste na nebesach. Posvječeno bodi tvoje ime, pridi nan tvoje kryljestvo; sgodi se tvoja volja na nebêsu koj na zemji: daj nan sakydajnji krúch, odpusti nan naši duhé, kekor mi odpuščamo našin dužnikan, nas nevpelji v skušnjavo, ma odrješi nas od slabaga.

Ljipawa (Wippach) 4 máge.

Furlaoský gazyk i wlaskau stawbu i zde geště slyšet a widět. Psalbych i wjce, ale ustal sem. Odpusťte že sem tak špatně psal, mnohé sem wypustil; w listu k Šafařjkowi doplnjm nač se geště upamatugi. S Bohem, buďte zdráw a pozdrawugte wšecky i nezapomjneyte na swého

Sreznewského.

4 5

II.

Изъ письма П. П. Шафарику.

.... Со мною была къ сожалѣнію одна ландкарта Илліріи Вейланда, по которой наведены этнографическія краски съ Вашей. Касательно Фурланскаго куска Славянъ она неправильна [1])... Изъ Резіуты я пошелъ на Венцоне и Джемону, а далѣе на Маньянъ и Тарченто. На лѣво отъ дороги поднимаются горы все выше и выше: въ этихъ горахъ живутъ бо́льшею частію Словины (какъ они сами себя называютъ). Въ Тарчентѣ (по Словински Трчетъ, сколько мнѣ помнится) я встрѣтился съ первымъ Словиномъ и распрашивалъ его какъ идти въ горы. Онъ былъ пьянъ и могъ мнѣ сказать мало добраго, мѣшая беспрестанно Фурланскія слова и проклятія въ свой Словинскій разговоръ. Одно только я понялъ, а хозяинъ трактира и мой проводникъ Резіянецъ подтвердили его слова: то, что на западъ отъ Трчета нѣтъ Словиновъ, а все Фурланы. Въ самомъ Трчетѣ и около его болѣе Фурлановъ. Другіе, понявши, чего я хочу, совѣтовали мнѣ идти въ Ложеваро (Сл. Теръ)... мы пошли на востокъ лѣсомъ все выше въ горы... Далѣе тропинка пошла между скалами и по скаламъ, по полугорѣ, а въ низу глубоко гремѣлъ потокъ Теръ... Въ Терѣ я нашелъ капеллана Словина, — и вотъ списокъ именъ весей, который онъ мнѣ сообщилъ какъ маршрутъ для пути (?) [2])... Изъ Тера по горамъ я пришелъ въ Нимисъ, гдѣ опять нашелъ священника Словина, сказавшаго мнѣ между прочимъ, что на сѣверъ, востокъ и югъ, на югъ далеко, живутъ все Словины такіе же какъ и у Нимиса... Далѣе я спустился въ долину между горъ... и затѣмъ еще ниже на западъ къ Чивидале. Изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, я могъ себѣ составить такое понятіе о западной границѣ Словинской: на западъ отъ черты между Тарченто, Федисомъ и Чивидале нѣтъ Словиновъ; а на востокъ отъ нея, хотя и есть Фурланы, но мало, выше же все Словины... Ихъ можно полагать до 19,000 [3]).

---

[1]) На ней отмѣчена Славянскимъ цвѣтомъ только Резіанская долина

[2]) Онъ приведенъ выше.

[3]) Сравн. выше.

ОТЧЕТЪ О ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

И. А. Бодуэна-де-Куртене.

I.

Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. 1875.

II.

Резьянскій катихизисъ, какъ приложеніе къ „Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ“, съ примѣчаніями и словаремъ.

Задача исторіи языка по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени опредѣлена. Отъ исторіи каждаго языка — ожидается: а) разъясненіе происхожденія этого языка отъ другаго, какъ первоначальнаго его обособленія, внутренняго по свойствамъ и внѣшняго по народу, которому онъ принадлежитъ; б) показанія дальнѣйшаго развитія его свойства какъ въ звучности и въ грамматическомъ строѣ, такъ и въ составѣ, особенно по его выразительности въ отношеніи къ подробностямъ быта, нравовъ и дѣятельности ума, развитія, какъ самостоятельнаго, такъ и въ слѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, между прочимъ, и вліянія другихъ языковъ; в) показанія развѣтвленій его на мѣстные нарѣчія и говоры съ объясненіемъ по возможности причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ; г) показанія распространенія или же и паденія языка въ народѣ и въ письменности и его вліянія на другіе, языка общенароднаго, общественнаго и литературнаго и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ возможно только въ слѣдствіе

разнообразныхъ изслѣдованій и соображеній. Собственно изслѣдованія вызываются потребностью добывать и провѣрять данныя изъ источниковъ. Неоспорима важность источниковъ, дающихъ данныя о языкѣ имъ современномъ, разнаго времени послѣдовательно, начиная съ древнѣйшаго; но и для исторіи языковъ, богатыхъ такими источниками, нельзя довольствоваться такими показаніями, какъ прямо относящимися ко времени, къ которому они сами относятся. Каждый памятникъ даетъ показанія и о языкѣ времени предъидущаго; важность каждаго опредѣляется преимущественно значеніемъ показаній этого рода. Какъ бы то ни было, при исторіи только немногихъ языковъ есть такіе разновременные памятники. По Славянскому языку они есть только на нѣкоторыхъ изъ нарѣчій. Всѣ другіе, какъ и вообще большую часть языковъ, надобно исторически изучать по ихъ современному положенію, выдѣляя — путемъ сравненія со сродными нарѣчіями и языками и явленій его самого взаимно — черты, относящіяся и къ древнѣйшему времени и къ послѣдующимъ, какъ показывающія ходъ и обстоятельства обособленія. Для всякой работы по исторіи языка прежде всего и болѣе всего необходимъ подборъ данныхъ въ возможно большемъ количествѣ, чтобъ ихъ было достаточно для рѣшенія всякаго изъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, и несомнѣнно вѣрныхъ. По исторіи Славянскаго языка и его нарѣчій и сдѣлано еще мало, и дѣятелей было мало. Каждымъ новымъ трудомъ надобно дорожить, и особенно такими трудами, которые потребовали отъ изслѣдователя разработки памятниковъ и живого говора народа и отчетливости взгляда на кругъ и содержаніе изслѣдуемой области. Не лишнимъ будетъ при этомъ замѣтить что, ограничиваясь въ наблюденіяхъ одними главными нарѣчіями, изслѣдователь едва ли можетъ не опустить многихъ замѣчательныхъ явленій жизни языка: сомнѣніе навело лучшихъ изслѣдователей на правило не опускать изъ виду никакихъ мѣстныхъ нарѣчій, какъ бы ни маловажными казались онѣ сравнительно съ главными. Необходима внимательность и умѣнье въ постановкѣ вопросовъ и выводовъ изъ наблюденныхъ данныхъ и т. д. Не говорю уже объ общей научной подготовкѣ изслѣдователя.

Изслѣдователь, которому Славянское языкозваніе обязано двумя трудами по Резіянскому говору, занялъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ симъ видное мѣсто между тружениками филологической науки, разработывающими преимущественно вопросы по исторіи языка, и пріобрѣлъ себѣ уваженіе за тщательность наблюденій и осторожность вы-

водовъ. Изъ числа разныхъ его трудовъ особенно замѣчателенъ трудъ «о древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія» (Лейпц. 1870): это—внимательный пересмотръ всѣхъ древнѣйшихъ Польско-латинскихъ памятниковъ съ извлеченіемъ всѣхъ данныхъ по строю и составу Польскаго языка и сводъ этихъ данныхъ, показывающій основныя черты древняго Польскаго языка не только вообще но и его мѣстныхъ видоизмѣненій. Задача состояла въ доказательномъ раскрытіи древняго строя Польскаго языка, дотолѣ неизвѣстнаго большинству изслѣдователей,—и она рѣшена на сколько было возможно полно и ясно. Пріемы, употребленные изслѣдователемъ для рѣшенія имъ избранной задачи явились въ его книгѣ не въ первый разъ; но этимъ пріемамъ ни для одного нарѣчія никѣмъ не сдѣлано было такого подробнаго и тщательнаго разысканія какое находимъ въ его книгѣ по древнему Польскому. Это, безспорно, одно изъ необходимѣйшихъ пособій не только для того, кто желаетъ узнать исторію Польскаго языка, но и для всякаго славяниста.

Не менѣе замѣчателенъ трудъ г. Бодуэна и по Резіанскимъ говорамъ, такъ названнымъ по имени долины val di Resia и ея жителей. Эта долина лежитъ въ сѣверовосточномъ углу Фріуля, въ Мужацкомъ округѣ (distretto di Moggio) Удинской провинціи (provincia di Udine). Управляемая вмѣстѣ со всѣмъ Фріулемъ и во время Австрійскаго господства совершенно отдѣльно отъ сосѣднихъ Славянскихъ странъ Австрійской имперіи, отдѣленная отъ нихъ вмѣстѣ съ другими долинами восточнаго Фріуля, населенными Славянами, не только этимъ, но и горами, ни чѣмъ особеннымъ непривлекательная, она оставалась и остается почти неизвѣстною по своей природѣ и по обычаямъ и языку жителей. Изъ славянистовъ заходили въ нее только нѣкоторые, почти всѣ случайно привлеченные ея неизвѣстностью и ни одинъ доселѣ не оставался въ ней на столько времени, чтобы можно было собрать по языку въ ней употребляемому сколько нибудь достаточный запасъ данныхъ. Въ какой степени это справедливо, видно будетъ изъ слѣдующаго обозрѣнія свѣдѣній о Резіанскихъ Славянахъ, изданныхъ до 1875 г.

До 1841 г., когда случилось пишущему эти строки быть въ Резіанской долинѣ, о Резіанахъ извѣстно было только то, что отмѣтилъ графъ *И. Потоцкій* (см. его статью въ Vaterländische Blätter für den Osterreich. Kaiserstaat. 1816. 176 — 180: Die Slaven im Thale Resia) и *А. Пишели*, сообщавшій свои замѣтки аб. Добровскому (см. ихъ въ сборникѣ Slavin — по 2-му изд. стр. 118 —

124: Ueber die Slaven im Thale Resia). Въ этихъ статьяхъ находится нѣсколько этнографическихъ извѣстій и небольшое собраніе словъ.

Весною 1841 года посѣтилъ я Резіанскую долину съ цѣлію этнографико-лингвистической, и въ короткое время моей остановки въ ней и на дальнѣйшемъ пути отъ Резіанца, бывшаго моимъ проводникомъ, собралъ кое какія свѣдѣнія о бытѣ и языкѣ Резіянъ: онѣ сообщены были въ письмѣ къ В. В. Ганкѣ (Čas. Čes. mus. 1841: 341—344), въ статьѣ о Словенскихъ нарѣчіяхъ (Журн. мин. нар. просвѣщенія. 1841: XXXI: 11: 153) и въ статьѣ о Фріульскихъ Славянахъ (Москвитянинъ. 1844: IX: 207 — 234). Въ томъ же 1841 году въ слѣдъ за мною посѣтилъ Резію Хорватскій поэтъ *Станко Вразъ* и собралъ нѣсколько свѣдѣній о нарѣчіи: онѣ сообщены имъ въ письмѣ къ Л. Гаю (Danica Ilirska. 1841: л. 29).

Позже появились однѣ за другими статьи, представляющія — по выраженію И. А. Бодуэна — извлеченія и компиляціи изъ только что названныхъ: — *I. Бергманна* Das Thal Resia und die Resianer in Frioul (İahrbücher der Literatur. B. CXXI. 1848. Anzeige-Blatt: стр. 46 — 50); его же Das Slavische Resia-Thal. (Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen. 1849. B. III.: 55 — 56), *Б. Біонделли* въ Prospetto topographico-statistico delle colonie straniere d'Italía (Studii linguistici. Mil. 1857: 55—56), *Дж. Асколи* (въ Studi critici. Gorizia. 1861: 46—57). Къ этому же разряду статей принадлежитъ и статья *П. Шафарика* о Резіянахъ и Фурланскихъ Славянахъ (Денница, литер. газета. 1842: 109 — 113).

Изъ самостоятельныхъ трудовъ о Резіянахъ, исполненныхъ послѣ 1841 года до 1875 г. вышли только записки: *С. Коціанчича* и *С. Валента*. Коціанчичу принадлежатъ двѣ очень небольшія этнографическія статьи: одна о Венеціянскихъ Славянахъ въ Odgovorah на vprašanja družtva za jugoslav. povestnicu (Arkiv za poviestnicu jugosl. 1854. III: 306 — 309), другая собственно о Резіи и Резіанахъ (Cvetnik, berilo za slovensko mladino А. Янежича 1867: стр. 66; Slovenisches Sprach-und Uebungsbuch für Anfänger того же А. Янежича. 1872: 237 — 238). С, Валентъ составилъ записку sul linguaggio Slavo della valle di Resia in Friuli (Giornale di Udine. 1868: № 293).

Къ этимъ источникамъ о Резіи и Резіанахъ можно прибавить еще только два оффиціальныхъ: во первыхъ тѣ схематизмы, которые издаются духовенствомъ о приходахъ и ихъ населеніи (которыми пользуются и г. статистики), и во вторыхъ географическія карты, изъ которыхъ самая замѣчательная есть трудъ Австрій-

скаго генеральнаго штаба: Topographische Karte des Lombardisch-Venetianischen Königreiches.

Всего менѣе сдѣлано о Резіанахъ по отношенію къ ихъ нарѣчію. Все сдѣланное въ этомъ отношеніи ограничивалось вымѣткою нѣкоторыхъ особенностей выговора и нѣкоторыхъ словъ.

Такъ между прочимъ отмѣчено было, что Резіане по своему языку принадлежатъ къ тому Славянскому народу, который самъ себя называетъ Словинами, а въ наукѣ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Хорутанъ и который населяетъ южныя части Каринтіи и Штиріи, всю Краину, Горицкую землю, Тріестское поморье и кромѣ того небольшую часть Венгріи по границѣ Штиріи. Въ ряду тѣхъ особенностей языка, которыми обусловлено народное единство этихъ Славянъ вмѣстѣ съ Резіянами, замѣтны: употребленіе j вмѣсто старослав. *жд*, происшедшаго изъ *д* (какъ на пр. въ словахъ meja — межда, rojenica—рожденица и пр.), употребленіе *о* вмѣсто Старославян. *ж* (какъ на пр. въ словахъ dob—джбъ, roko—ржкж и пр.), употребленіе двойственнаго числа въ именахъ и глаголахъ (на пр. dva brata sta pr'šla—два брата кста пришьла), давно забытаго другими Славянами за исключеніемъ далекихъ отъ туда Сербовъ-Лужичанъ, и пр.

Отдѣленные горами отъ своихъ близкихъ соплеменниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сближенные управленіемъ съ Итальянцами, Резіяне должны были обособить свой языкъ. Любопытны для изслѣдователя такія обособленія и сами по себѣ, какъ мѣстныя видоизмѣненія языка, происходящія подъ вліяніемъ естественной измѣняемости и внѣшнихъ причинъ, и по возможности найдти въ нихъ такіе остатки старины и древности, какихъ нѣтъ въ другихъ краяхъ.

Съ такою цѣлію внести данныя по Резіанскимъ говорамъ въ исторію Словинскаго нарѣчія и въ общую исторію Славянскаго языка долженъ былъ предпринять и г. Бодуэнъ въ Резіянской долинѣ свои наблюденія, и при своей стойкости въ трудѣ и тщательности въ работѣ не могъ не достигнуть цѣли, оставшись для этого между Резіянами значительное время. Обѣ книги его, главная и добавочная, заключаютъ въ себѣ очень богатый подборъ и сводъ наблюденій—не только по разнымъ частнымъ вопросамъ, но и по болѣе общимъ, важнымъ для исторіи языка.

Въ одной изъ этихъ книгъ, въ главной, находится подробный разборъ всѣхъ свойствъ Резіянскихъ говоровъ съ фонетической точки зрѣнія во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на основаніи

обширнаго запаса личныхъ наблюденій изслѣдователя. Въ другой, дополнительной книгѣ изданъ единственный письменный памятникъ Резіянскаго нарѣчія по очень рѣдкой рукописи, и изданъ какъ только можно желать—вѣрно по подлиннику, съ приложеніемъ описанія рукописи, грамматическихъ примѣчаній, служащихъ дополненіемъ тому, что отмѣчено въ первой книгѣ, и отчетливаго словаря. Разсматривая эту вторую книгу какъ дополнительную, считаю долгомъ остановиться преимущественно на первой, какъ дающей главный и очень значительный и тщательно обработанный матеріалъ для одной изъ очень любопытныхъ и менѣе другихъ извѣстныхъ частей исторіи Славянскаго языка.

Пользуясь данными, помѣщенными въ этой книгѣ, можно сдѣлать полную характеристику Резіанскихъ говоровъ.

По количеству звуковъ эти говоры принадлежатъ къ числу богатыхъ. Вслушиваясь въ произношеніе слоговъ въ отношеніи къ собственнымъ звукамъ, т. е. къ тѣмъ ихъ долямъ, которыя въ написаніи называются согласными буквами, замѣчаемъ, что нѣкоторые звуки произносятся различно: такъ по звучности своей выдѣляются какъ отличные не только g и h, но и w и v, č (: ч) и ħ (чь), џ (дж) и ђ (джь); кромѣ того многіе другіе звуки въ опредѣленныхъ случаяхъ произносятся то болѣе твердо, то замѣтно смягчаясь. Смягчаются губныя: p′, b′, v′, носовыя m′, ń, язычные r, l, свистящее ś, гортанное k′ — передъ i, передъ ü и передъ j: p′iše, p′îra (перья), p′îsak, p′jan, b′îli, b′îži, b′juvàt, v′ídet, v′îje, dv′î, v′jàt (бросать), m′ísac, sa sm′îje (смѣется), m′iša (обѣдня), ńíwa, mańî (менѣе), ogèń = ohòń, r′ű̈dce (постоянно), l′îp, l′îs (лѣсъ, дрова), ś̂îrak (кукуруза), beśîda, śühö (сухо), sik′ira, k′íro (которую), k′jâč (молотъ).

Изъ согласныхъ немягкихъ по выговору замѣчательно еще и *h*, употребляемое кое-гдѣ вмѣсто g, а кое-гдѣ вмѣсто обще-Славянскаго *x*, который собственнымъ своимъ звукомъ нигдѣ въ Резіи не слышится.

Кромѣ означенныхъ мягкихъ согласныхъ еще особенно замѣчательны: ħ (чь), ђ (джь) и j. Звукъ ħ (чь) есть мягкое ť=šť (щ): sv′íħa: свѣща, mõ̂ħan: мощьнъ, síħ: сѣщи, косить. Звукъ ђ есть мягкое d′=žd (жд), ђât: дѣти (положить), oђát: отъдѣти (отворить). Звукъ j, кромѣ общаго Славянскаго употребленія, еще слышится, какъ и вообще въ Словинскихъ нарѣчіяхъ, вмѣсто dj = žd′: (жд), naréjat: наражадати, mlâj: млаждь (новолуніе), ràjše: раждьше (скорѣе), и кромѣ того вмѣсто мягкаго l: kraj: краль, pondîjak: понедѣлъкъ, jûde: люди. Собственно твердыхъ согласныхъ нѣтъ, а есть средніе, выговари-

ваемые сжато, какъ и во многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе выдающійся твердый звукъ *лъ* тоже сдѣлался среднимъ, замѣнясь тѣмъ l, который Велико-Руссамъ и Полякамъ извѣстенъ только изъ иностранныхъ языковъ, но кое-гдѣ напоминаетъ о своемъ прежнемъ произношеніи своимъ превращеніемъ въ неопредѣленное дыханіе сопровождаемое гласнымъ о или u: dol'g и duh: длъгъ, tòlsto и tûsto: тлъсто, sûnce: слъньце, bral и brau: бралъ, dal и dau: далъ.

Въ соотвѣтствіи съ особеннымъ разнообразіемъ согласныхъ звуковъ разнообразны и гласные растворы: кромѣ общихъ всюду a, o, u, e, i (а, о, у, е: э, и), только сжато произносимыхъ, есть и еще особенные сжатые: ö и oe (первое въ родѣ Французскаго *eu*, второе болѣе похоже на *e*), ü (въ родѣ Французскаго *u*, нѣмецкаго ü), y (въ родѣ малорусскаго *ы*, только еще болѣе сжатаго) и наконецъ тотъ неопредѣленный растворъ, который въ древней Славянской азбукѣ обозначался знакомъ ъ, но сжатый. Только два послѣдніе раствора *y*=*ы* и ъ, который въ Латинскомъ правописаніи по неволѣ надобно выражать какимъ-нибудь условнымъ знакомъ, на пр. знакомъ апострофа ('), употребляются, хотя и очень непослѣдовательно (въ обще-Славянскомъ смыслѣ) тамъ, гдѣ ихъ можетъ ожидать Славянинъ неутратившій ихъ древняго употребленія. Такъ *y* слышится въ словахъ: mý=мы, vý=вы, sýn=сынъ, zýbat: зыбати (качать дитя). sýröwö: сырово (сыро), výmoe: вълма и др., хотя тоже у слышится и въ словахъ: býly=били, lýpa=липа, slýwa=слива, lysýca=лисица, bylýca=бѣлица (бѣлая сосна), wýsalica=висѣлица и др., а і въ словахъ: mišica: мышица, kobila: кобыла, sit=сытъ и пр.

Глухое *ъ* слышится кое-гдѣ въ нѣкоторыхъ словахъ съ согласнымъ *р* передъ нимъ, какъ b'rdo: бръдо, č'rničica: чрьничица, (черника), d'rži: дрьжить, sm'rdý: смрьдить, h'rmý: гръмить, se prèd'rlo: сѧ прѣдрьло, öp'rtö: отъпрьто, ta na w'rsòe: на врьсѣ, и др., а также въ словахъ: p̍rtakne: притъкнеть, p̍ršal: p̍ršòu: пришьлъ. Что касается трехъ другихъ сжатыхъ растворовъ ö, œ, ü, то они суть явленіе новое, видное не во всѣхъ Словинскихъ говорахъ: ö употребляется вмѣсто о, œ вмѣсто е и ѣ, ü вмѣсто u большею частію въ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ на пр. въ словахъ: bölan: больнъ, döbry: добръ, hrömy: хромыи, könöpje: коноплѥ, joèzoerö: ѥзеро, joèsoen: ѥсень, vòesoely: веселыи, doèsat: десѧть, coèsta: цѣста (дорога), dòelat: дѣлати, hloèb: хлѣбъ, moèra: мѣра, stròeha: стрѣха, voèvoerica: веверица, mroèža: мрѣжа, düh: дѹхъ, trüdan: трѹдьнъ, (утомленъ), küsišhe: косище (косовище) и пр.

Составъ звуковъ, употребляемыхъ въ Резіанскихъ говорахъ самъ по себѣ уже даетъ знать о значительныхъ отклоненіяхъ этихъ говоровъ отъ общихъ требованій Славянскаго языка въ отношеніи къ звучности. Сравненіе ихъ съ древнимъ Старославянскимъ указываетъ на объемъ и содержаніе этихъ отклоненій многими любопытными данными.

Изъ гласныхъ общее Славянское *a* болѣе многихъ другихъ удержалось на своихъ мѣстахъ, но и то съ исключеніемъ, каковы, на пр. zdró́u вмѣстѣ съ zdràu (здравъ), pròu вмѣстѣ съ pràu (правъ), zdolačà вмѣстѣ съ daleko, sto bîla вмѣстѣ съ sta bîla; dwújsti вмѣстѣ съ dwájsti; mē, mete вмѣстѣ съ ma, mate (имѣеть, имѣете), mela и mala (малая), mest и mast (масть, масло), sem и som (самъ), neše и naša, brenilo и branilo, speńe и spańe: спаник), mledi и mlade (младъіи).

Гласное *e*, сохраняясь иногда въ нѣкоторыхъ говорахъ, обыкновенно замѣняется посредствомъ *œ* или *i* или же и *a* и *ej:* poèpoel= poèpoéu (пепелъ), voèsœly, jœsoen, dœsat, zœloèn, lîd (ледъ), žinit (женить), pčiníca (пшеница), wčíra = wčera, — vačérja (вечеря), tatà (тета, тетка), sastrà (сестра), žanà (жена), jaščarica (ящерица), platanàc (плетенецъ, корзина плетеная), šéjst (шесть) и пр.

Гласное *i* удержалось почти всюду, гдѣ его можно ожидать — за исключеніемъ того, что согласный звукъ объ него опирающійся, нерѣдко произносится твердо, почему и само *i* походитъ на ы (y): zŷma (зима), py̆šoe = pîše (пишетъ), prŷdoe = pride (придетъ), hħŷ = hħì (дочь), trŷ = trî, býjoe (бьеть), býly (били), lýpa = lípa, sl̦ýwa = sliva, ubýla (убила), dölỳna = dulína (долина). Кромѣ того есть случаи когда вмѣсто *i* произносится *e:* nèt = nít (нить), bèt = bit (бить), lèt = lit (лить), pèt = pit (пить), velèk = vilèk = vilìk (великъ) и пр.

Къ стати здѣсь же отмѣтить, что и то *y*, которое могло бы быть ожидаемо всюду тамъ, гдѣ по обще-Славянскому требованію стоитъ *ы*, нерѣдко замѣняется посредствомъ *i:* sa diši (дышется: пахнетъ), kri (кры = кровь), tî = tŷ, vî = vŷ, sîn = syn, mišica (мышица, мышка), sa skríla (скрылася), kobíla (кобыла) и пр.

Гласное *o* только въ немногихъ случаяхъ осталось при своемъ древнемъ обще-Славянскомъ произношеніи: оно перемѣнилось или въ *ö* или въ *u* или въ *ŭ:* dnö (дно), bölan (боленъ), drö̋bnö (дробно, мелко), pözdö (поздно), öbadwá (оба), öbidvi (обѣ), döbry (добрый, хорошій), öblak (облако, туча), pötö̂k (потокъ), visö̂k (высокъ), könö̂pje (конопля), и пр.; stu (сто), bûk=bûh (богъ), dûm (домъ), mûst

(мостъ), nûs (носъ), zwûn (звонъ, колоколъ), и пр.;—kőküs (кокошь, курица), kőküšy (кокоши, курицы, множ.), höspüt = göspot (господинъ), höspüdy (господа), püslüšala (послышала, услышала). Есть еще случаи произношенія *а* вмѣсто *о:* damou (домови).

Гласное *u*, сохранилось на своемъ мѣстѣ сравнительно въ немногихъ случаяхъ и то болѣе въ нѣкоторыхъ говорахъ; а въ большинствѣ случаевъ передѣлалось или въ *ŭ* или же въ *ồ:* trűdan (труденъ, утомленъ), trűdna, pűsti (пустой), sűhi (сухой), klübűk (клобукъ, шляпа), lűč (лучь: свѣча), düh (духъ), — čồt = čût (чуть, слышать), kròh = krùh (крухъ: хлѣбъ), kožồf = kužùh (кожухъ: шуба), ubồt = ubût (обутъ) и пр.

Гласное *ѣ* передѣлалось или въ *oe* или въ *i:* doèd (дѣдъ), doèlat (дѣлать) loètö (лѣто), sòèmoe (сѣмя), broèza (береза), broèmoe (бремя), mroèža (мережа); öboèd (обѣдъ), člövoèk, köloènö (колѣно), žoeloèzö (желѣзо), cîl (цѣлъ), lîs (лѣсъ), bíli (бѣлъ), lîp (лѣпъ, красивъ), grîh = hrîh (грѣхъ).

Гласное *ѧ* выговаривается очень часто какъ *e*, иногда какъ *i* или же какъ *a:* pêt (пять), spêt (опять), wzèt (взять), svèt (святъ), plêsat (плясать), glèdat (глядѣть), présliсa (прялица), sèžen (сажень), misu (мясо), míhko (мягко), míta (мята), vàĥ (вяще, болѣе) = vèĥ = viĥ, zat (зять), žàt (жать), spràst (спрясть), jazìk (языкъ), mísac (мѣсяцъ), doèsat (десять), natahúwat (натягивать), и пр. Очень рѣдко за гласной слѣдуетъ еще n, какъ въ словѣ vínči = ващій, большій.

Гласное *ѫ* въ большинствѣ случаевъ выговаривается какъ *o:* dôb (дѫбъ), kôs (кѫсъ), pôt (пѫть), hóba (гѫба, грибъ), stopa (стѫпа), и пр. Есть однако случаи, когда вмѣсто *o* слышится *u:* kuĥa (кѫща), muž (мѫжь), mučnik (мѫчьникъ: мучная похлебка) и пр., а иногда и *ö:* ömőžen (омѫженъ: женатъ), ömőžoena (омѫжена: за мужемъ).

Краткія гласныя ъ и ь, исчезнувъ во многихъ случаяхъ такъ же какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, во многихъ другихъ выговариваются какъ *a*, *e*, *i*, *o*, *u:* dàska = dèska = dìska (дъска: доска), ràž = rèž = ro'ž (рожь), pàs = pès = pis (песъ), vàs = vès (весь, деревня), ovàs (овесъ), konàc (конецъ), ovàn = ovèn (овенъ, баранъ), dàn = dèn = dìn = dòn (день), tinki (тонкій), šàl = šèl = šil = šòu (шелъ), kotèl = kotìl = kotòu (котелъ), mahlà (мгла), taknòt (ткнуть), tèžak (тяжькъ), doèlavac (дѣлавьць: работникъ), bőlan, láčan (лачьнъ, алчьнъ, голоденъ), hàrlo = horlo (гръло: уста), zahàrlit (загрълити: прикрыть), tórh = térg (тръгъ: городъ), pòrst = pèrst (прьстъ), sârce = sérce (сердце), čárni = čérni = čírni (черный), wàrh = wòrh = wùrh (врьхъ), do'lga = dòlha = dúha (долгая), tu pulkó (скользко),

mučat (молчать), důre (двери) и пр. Очень рѣдко при *r* удержался древній выговоръ: bŕdo=baŕdo=beŕdo (брьдо: холмъ, гора), d'ṙži=daržì (держитъ), sm'rdý=smardý (смердитъ), h'rmý=harmý=germí (гремитъ), se prédrlo (передралось, лопнуло).

Нерѣдки случаи исчезновенія гласныхъ.

Согласныя, вообще говоря, болѣе гласныхъ сохранились на своихъ мѣстахъ и въ своемъ древнемъ видѣ. Замѣчательныя отклоненія отъ древности въ этомъ отношеніи суть:

— древнее в выговаривается различно: какъ v (voèdet, člövoèk, noevoèsta — невѣстка и пр.), какъ w (wȏda, sa wozèt — ѣхать, pawala — обычай, kŕowa — корова и пр.), какъ *u* въ концѣ слога (bràu—животное, ср. бравъ = боровъ, sírou—сырой, ròuno—ровно, гладко, rounýna), а иногда и въ особ. случаяхъ (črïuje = чрѣвик, сапоги, zubû=зѫбовъ, kotlû=котловъ, čàru=чрьвь и т. п.); кромѣ того кое-когда какъ b передъ d, z, ž, l, n (sa bdori — ударится, sa bdárila—ударилась, tù b dúle—въ долѣ, въ долинѣ, nút ub dwúr, bzamoè—возьметь, bzet—взять, bzel—взялъ, tù b loncè—въ лонцѣ: въ горшкѣ. tu b lýstje—въ листіи, tu b nońè—въ ночь), или какъ p передъ t, ћ, c, č, s (tà p te vír — въ тотъ колодязь, tù p tédne — въ тѣдьнь: въ недѣлю, tù p ћánibi—въ комнатѣ, tá up církou — въ церковь, ȏpca — овца, ta up čérni wùrh — въ черный верхъ, pčera — вчера, pstàt — встать, psoe — все, psè — всѣ), или какъ f передъ s (uf srído — въ середу, tȍ u fsaḱin loètoe) или же какъ *m* передъ *n* (umnà — овна, барана, ramno — ровно, точно).

— древнее г (g), сохраняся въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ другихъ перешло въ легкое *h* (gȏra = hȏra, gôsto = hôsto, jagudica = jáhudica = áhudica — ягодица: земляника, nȏga = nȏha),

— древнее ж въ разныхъ формахъ глагола *мощи-могѫ* и въ частицѣ *же* измѣняется въ r (mȏroe — можетъ, möramö — можемъ, morit = morèt — мочь, и пр., dàr du — даже, до),

— древнее л, вообще потерявъ твердость, нерѣдко въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ *u* (brau = bral — бралъ, обиралъ, dau = dal—далъ, moeu = moel—имѣлъ и пр.) или же въ j: mâji = mali = mèli—малый, maja = mala=mèja—малая и пр.). Мягкое l и само по себѣ и въ соединеніи съ губнымъ переходитъ постоянно въ j: jûde — люди, kraj — краль, krajica — кралица, pȏjoe — поле, kašej—кашель, kàpje—каплетъ, bjuwàt—блевать, šћàwja—щавель,

— древнее м, неопираясь на гласную, кромѣ коренныхъ окончаній слова, (какъ dìm = dèm — дымъ, dûm — домъ, родина, sâm = sèm—самъ, ûm — гнѣвъ и пр.), переходитъ въ *n:* (z böhon — съ богомъ, ti dǒbrin žanán — тѣмъ добрымъ женамъ, na málen — на маломъ, man=mèn=mon — имамъ: имѣю, jìn—ѣмъ, oedoèhoen—ѣдѣхомъ, я ѣлъ, soèdan—семь, ösan--восемь, tan—тамъ, kan = kèn— куда.

— древнее χ перешло въ такое же h, какимъ замѣнилось g, или же и совсѣмъ исчезло (hyša=hiša—хижа, müha—муха, grah— горохъ).

Данныя объ особенностяхъ Резіанскихъ говоровъ, извлеченныя мною изъ книги г. Бодуэна, по вопросамъ, мною придуманнымъ, даютъ знать только о нѣкоторой части огромнаго запаса свѣдѣній, въ ней собранныхъ, и выводовъ, къ которымъ она приводитъ. Не могъ я воспользоваться ни множествомъ подробностей о Резіанскихъ говорахъ, ни ихъ сравненіями со свойствами другихъ нарѣчій, ни тѣмъ менѣе словарнымъ запасомъ, очень обширнымъ и любопытнымъ во многихъ отношеніяхъ. Не могъ я воспользоваться и разнообразными соображеніями г. Бодуэна, которыя придаютъ его книгѣ особенное самостоятельное значеніе и упрочиваютъ за нимъ уваженіе въ кругу языкоизслѣдователей.

Чтобы хоть сколько нибудь ознакомить не близко знакомыхъ съ книгою г. Бодуэна, остановлюсь на нѣкоторыхъ указаніяхъ, объясняющихъ пріемы изслѣдователя и выводы имъ достигнутые.

Книга г. Бодуэна раздѣлена на три части: 1) описаніе звуковъ; 2) этимологическія отношенія звуковъ; 3) общія замѣчанія и выводы. Первая часть въ сокращенномъ видѣ передана выше; изъ второй взято выше очень немногое и то въ иномъ видѣ; изъ третьей ничего. Я долженъ слѣдовательно остановиться на двухъ послѣднихъ частяхъ.

Разсмотрѣніе этимологическихъ отношеній звуковъ въ Резіанскихъ говорахъ представляетъ въ себѣ подробности: 1) о согласныхъ, ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, о замѣнахъ, сочетаніяхъ и случаяхъ ихъ исчезновенія; 2) о гласныхъ, ихъ видоизмѣненіяхъ и замѣнахъ, удареніяхъ, продленіяхъ и сокращеніяхъ, сочетаніяхъ; 3) о взаимныхъ отношеніяхъ между гласными и согласными и явленіяхъ съ ними сродныхъ; 4) о разныхъ обстоятельствахъ смѣшенія звуковъ. Все это разсмотрѣніе подчинено слѣдующимъ правиламъ: 1) необходимо внимательно вслушиваться въ

народное произношеніе и вѣрно его изображать знаками; 2) необходимо слѣдить за каждымъ явленіемъ сколько можно подробнѣе, чтобы не только не смѣшать его съ какимъ нибудь другимъ, но и опредѣлить его признаки; 3) необходимо слѣдить за всякими отличіями говоровъ одного отъ другого; 4) необходимо уяснить себѣ и другимъ все что можно посредствомъ сравненій съ древнимъ Славянскимъ церковнымъ, и съ живыми Югославянскими нарѣчіями. Нелишнимъ считаю представить нѣсколько объясненій по каждому изъ этихъ правилъ. Передавая знаками народное произношеніе, изслѣдователь ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ себѣ подчинять написаніе какимъ бы то ни было требованіямъ или ожиданіямъ этимологіи, и потому пишетъ dôp=дѫбъ, mras=мразъ, mûš=мѫжь, brik=брѣгъ, mlat=младъ и пр. Употребляя Латинскую азбуку, онъ пользуется ею такъ-же какъ западные Славяне въ такъ называемомъ аналогическомъ правописаніи, ставя надъ буквами знаки, точно отличающіе каждое ея произношеніе (надъ согласными знакъ для выраженія мягкаго выговора, знакъ ˇ для выраженія шепеляваго выговора, въ ž для *ж*, въ č для *ч* и въ š для *ш*, надъ гласными знакъ ¨ для выраженія тонкаго средняго выговора въ ö и въ ü, какъ въ Нѣмецкомъ правописаніи, знакъ ` для краткаго ударенія, знакъ ^ для долгаго ударенія, знакъ ´ для ударенія безразличнаго). Въ Латинскую азбуку онъ внесъ только два знака ей чуждыхъ, принятыхъ въ Сербскомъ кирилловскомъ правописаніи: ђ для выраженія мягкаго *д'ж'* и ћ для выраженія мягкаго *т'ш'* = *ч'*. — Употребивъ эти средства для выраженія всѣхъ оттѣнковъ звучности Резіанскихъ говоровъ, изслѣдователь воспользовался ими съ полною внимательностью для уясненія случаевъ и условій употребленія каждаго звука и сочетанія звуковъ. Такъ, разсматривая согласныя, онъ разсмотрѣлъ обстоятельно кругъ употребленія каждой въ первичномъ неизмѣненномъ видѣ и въ ея видоизмѣненіяхъ тамъ, гдѣ она находится и сама по себѣ и въ сочетаніяхъ съ другими, какъ давнихъ, первичныхъ и вторичныхъ, явившихся при образованіи словъ, такъ и при случайныхъ соединеніяхъ словъ, не опустивъ изъ виду и многообразныхъ случаевъ исчезновенія согласныхъ. При разсмотрѣніи гласныхъ, обративъ вниманіе на такія же обстоятельства ихъ положеній въ средѣ звуковъ, изслѣдователь постоянно имѣлъ въ виду обозначеніе силы каждаго слога, выражающейся простымъ ли напряженіемъ произношенія гласной или ея продленіемъ. Эта часть изслѣдованія потребовала отъ изслѣдователя особенной осмотрительности и проницательности, особеннаго старанія въ под-

борѣ данныхъ и въ правильномъ ихъ расположеніи. Нельзя при этомъ не отмѣтить общаго пріема, который онъ прилагалъ постоянно къ дѣлу. Система условій употребленія разнаго рода удареній, наиболѣе годная для сравненія съ такими же явленіями въ Резіянскихъ говорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе разработанная, есть Сербо-Хорватская. Имѣя постоянно въ виду эти условія, онъ постоянно примѣнялъ ихъ къ явленіямъ имъ наблюдаемыхъ говоровъ, видимо искалъ данныхъ для сравненія, пріискивалъ ихъ сколько можно болѣе, и только уже послѣ этой кропотливой работы, сводилъ сравненія свои къ выводамъ. Работа во всѣхъ отношеніяхъ превосходная, важная не только въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, но и вообще какъ образцовая, поднимающая уровень требованій для всѣхъ однородныхъ изслѣдованій.

Всюду отмѣчая условными знаками изъ какого говора заимствованы какія данныя, изслѣдователь не преминулъ и свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія объ отличіяхъ говоровъ и разлѣлилъ ихъ на три особенныя «группы», какъ онъ выразился: 1) говоръ Бѣльскій, 2) говоры Нивскій, Столбицкій и Раванцскій, 3) говоры Осойскій и Учейскій, опредѣлилъ особенныя черты каждой и употребилъ ихъ какъ доказательства своему домыслу о разноплеменности Резіянъ. Отмѣчая разноплеменность трехъ частей Резіянскаго народа, соотвѣтствующихъ тремъ «группамъ» говоровъ, изслѣдователь выразилъ догадку, что каждая изъ этихъ частей народа пришла въ Резіянскую долину не только изъ особенной мѣстности, но и въ особое время, т. е. совершенно отдѣльно, и что отличія между ними въ началѣ ихъ совмѣстнаго переселенія были даже рѣзче, чѣмъ онѣ представляются теперь, когда и сожительство въ одной мѣстности, и постоянныя связи, и подчиненіе одинакимъ условіямъ, вліянія иноплеменниковъ должны были наконецъ сблизить ихъ въ одинъ народецъ.

Ведя къ этимъ выводамъ себя и читателя, изслѣдователь не могъ не обращать вниманія на другія Славянскія нарѣчія и особенно на древнее Славянское церковное, на Сербо-Хорватское и на Словинское; сравнивалъ ихъ не только съ Резіянскими говорами, но и между собою; и этимъ путемъ успѣлъ объяснить нѣкоторыя темныя мѣста ихъ сходства и отличія.

Этимъ путемъ онъ пришелъ и къ нѣкоторымъ любопытнымъ общимъ домысламъ изъ круга лингвистическихъ изслѣдованій, высказанныхъ имъ въ видѣ положеній. Для примѣра беру одно изъ этихъ положеній:

«При разборѣ взаимныхъ отношеній между родственными языками, т. е. при ихъ генетической классификаціи, почти совершенно упускались до сихъ поръ изъ виду слѣдующія, по моему, очень важныя обстоятельства:

1) Возможность діалектическихъ скрещеній во время переселенія народовъ. Такъ на пр. родственныя группы говоровъ A, B, C, D... могли состоять когда то, A изъ говоровъ a, a′, a″ a‴..., B изъ b, b′, b″..., C изъ c, c′, c″... и т. д.; но за тѣмъ, въ слѣдствіе исторической необходимости, носители этихъ говоровъ, т. е. говорящія на нихъ племена, должны были перемѣнить свое мѣстопребываніе, при чемъ произошло отчужденіе прежнихъ ближайшихъ родственниковъ, такъ что на пр. части a и a″ группы A (или хотя бы даже только части этихъ частей) могли быть отторжены отъ прочихъ частей (a′, a‴...) той же группы и поставлены въ ближайшую географическую связь на пр., съ частями b′ и b″ группы B, которая опять таки не осталась цѣльною, но должна была распасться, на пр. на три группы (b, — b′ и b‴, — b″ и b⁗...). Такимъ образомъ, пришедшіе въ взаимное соприкосновеніе говоры a и a″ съ одной стороны и b′ и b‴ съ другой развивались съ тѣхъ поръ сообща, подвергаясь тожественнымъ или почти тожественнымъ измѣненіямъ, тогда какъ ихъ прежніе ближайшіе родственники, съ одной стороны a′ и a‴, а съ другой b и b‴..., находясь въ совершенно другихъ условіяхъ и соприкасаясь съ другими говорами, должны были совершать тоже и различное внутренное развитіе.

2) Необходимое взаимное вліяніе географически сближенныхъ, хотя бы даже различныхъ по происхожденію, языковъ, придающее всѣмъ имъ одинъ общій отпечатокъ, при чемъ однакоже каждый изъ нихъ сохраняетъ свои индивидуальныя, отъ прежнихъ временъ унаслѣдованныя особенности, конечно, только до тѣхъ поръ, пока наконецъ не произойдетъ полное смѣшеніе въ пользу сильнѣйшаго изъ нихъ.

3) Возможность вліянія иноплеменныхъ языковъ и нарѣчій, переставшихъ существовать и поглощенныхъ даннымъ языкомъ, но все-таки завѣщавшихъ ему нѣкоторыя части своего достоянія, или другими словами, возможность отраженія погибшихъ языковъ нетолько въ запасѣ словъ, но тоже и въ нѣкоторыхъ фонетическихъ и вообще грамматическихъ особенностяхъ нынѣ существующихъ нарѣчій и говоровъ».

Ко всему сказанному выше считаю долгомъ прибавить, что — сколько мнѣ извѣстно—до сихъ поръ ни по одному изъ мѣстныхъ нарѣчій не сдѣлано того, что сдѣлано г. Бодуэномъ по Резіянскимъ говорамъ, и что—опять повторю: сколько знаю—нигдѣ еще не указана такъ доказательно важность научныхъ изслѣдованій мѣстныхъ нарѣчій.

Считая трудъ г. Бодуэна по Резіянскимъ нарѣчіямъ очень замѣчательнымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу, осмѣливаюсь думать, что изслѣдователь, обогатившій ее этимъ трудомъ, вполнѣ достоинъ Уваровской награды.

III.

Резья и Резьяне.

(Слав. Сборникъ 1876 г., стр. 223—371).

Новый трудъ И. А. Бодуена-де-Куртене, вызывая къ предмету его тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій вниманіе всѣхъ образованныхъ читателей, вноситъ не маловажный вкладъ и въ Славянскую часть народознанія Европы.

Обозначивъ положеніе Резіи между окрестностями, отмѣтивъ между прочимъ и нѣкоторыя данныя, по которымъ можно догадываться, что Славяне прежде населяли и такія мѣстности, гдѣ ихъ теперь вовсе нѣтъ, изслѣдователь - описатель остановился на Резіи и сообщилъ подробности о ней и долинахъ собственно Резіянской и Учейской (Волчьской, Волчьей), возвышенностяхъ ихъ окружающихъ и на водостокахъ, питающихъ рѣчку Резію. При этомъ онъ не напрасно счелъ нужнымъ отмѣтить слѣдующее: По горамъ, принадлежащимъ Резіи, всюду, гдѣ только простирается болѣе или менѣе обширная равнина, покрытая травою и вообще зеленью, взбирается Резіянинъ и превращаетъ этотъ скудный подарокъ природы-мачихи въ луга и пастбища. Эти горныя пастбища называются *полонинами* (planina; planyna, множ.: planine, planyne). На полонинахъ построены хижины, въ которыхъ лѣтомъ живутъ пастухи и пастушки до тѣхъ поръ, пока холодъ и желтѣющая трава не заставляютъ ихъ возвращаться въ долину вмѣстѣ со своимъ скотомъ.... Въ слѣдствіе постояннаго увеличенія населенія, нѣкоторые изъ жителей деревень выселились и построили постоянныя жилища тамъ, гдѣ прежде были только полонины или даже просто лѣса. Не напрасно это отмѣчено, потому что «нѣкоторые ученые путешественники приняли иныя изъ полонинъ за деревни» хотя въ нихъ и нѣтъ постоянныхъ жителей.

Въ слѣдъ за физико-топографическимъ обозрѣніемъ дано мѣсто обозрѣнію населенныхъ мѣстностей. Изъ Фурланской деревни Резьюты въ долину Резіянскую проведена шоссейная дорога, «начиная съ того мѣста, гдѣ узкій проходъ въ Резіянскую долину принимаетъ уже полуворонкообразную форму, у подножья полонины Рущи, появляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ или отдѣльныя хаты или же и по нѣскольку хатъ вмѣстѣ.... Идя все по той же шоссейной дорогѣ, мы входимъ, наконецъ, въ первую Резіянскую деревню—Бѣлую или св. Георгія, которая по преимуществу называется деревнею, весью (tó u Wasé) названіемъ, которое присвоивается еще одной только деревнѣ Столбицѣ, и то не всей, а только части ея. Въ верстѣ съ небольшимъ далѣе по шоссейной дорогѣ лежатъ три небольшія селенія: Липовецъ (Lipavec, Lypavac, Lipovaz), Равенца (Ravanca: Sul Prato), и Крижаца (Križaca). Въ Равенцѣ главная приходская церковь, волостное управленіе (municipio) всей Резіянской волости, и конецъ шоссейной дороги. На той же правой, т. е. сѣверной сторонѣ р. Резьи, подымаясь все выше и выше, минуемъ нѣсколько незначительныхъ селеній и доходимъ до деревни Столбицы, позади которой начинаются крутыя отлогости горъ. На лѣвомъ, т. е. южномъ берегу Резіи лежатъ двѣ большія деревни — Нива и Осояне и причисляющіяся къ Нивѣ еще двѣ: Гоздь Гвоздь (Hözd Gost) и Лищеца (Listjaca; Lisciaza). Кромѣ этихъ значительныхъ сельбищъ есть довольно много малыхъ, по два по три двора въ близи первыхъ или же и довольно далеко, между прочимъ и на полонинахъ. Замѣчательно, что не только каждый изъ этихъ особенныхъ поселковъ, но и разныя части большихъ сельбищъ носятъ отдѣльныя названія и что подобными названіями отличены и нѣкоторыя изъ урочищъ, теперь ненаселенныхъ.

О жилищахъ Резіянъ замѣчено, что они вообще не тѣсны внутри, но не отличаются чистотою. Постройки деревянныя строятся только на полонинахъ, а въ деревняхъ все изъ камня и аспида въ два яруса; въ верхнемъ спальня, въ нижнемъ кухня съ очагомъ, дымъ котораго выходитъ въ двери и въ окна. Близость отхожихъ мѣстъ никого не безпокоитъ. Чистотѣ жилищъ мѣшаетъ и скученность построекъ, между которыми или вовсе нѣтъ проходовъ или они (jindrúne) очень узки. Улички такъ же очень узки.

«Въ политическомъ отношеніи Резія принадлежитъ Италіи и находится на самой восточной ея границѣ (на сѣверѣ). Она вся составляетъ одну волость (commune), принадлежащую къ Мужецкому уѣзду и округу (distretto e circondario di Moggio) Фріульской или

Удинской провинціи (provincia del Friuli, p. Udinese)... Въ административномъ отношеніи во главѣ волости стоитъ старшина (šindik: sindaco), выбираемый каждые три года, и предсѣдательствующій въ собраніи волостныхъ выборныхъ или совѣтниковъ; но настоящая власть и здѣсь, какъ во всякой итальянской волости сосредоточивается въ рукахъ волостного писаря. Что касается взаимныхъ отношеній жителей волости, платимыхъ ими податей и другихъ повинностей, Резіянская волость дѣлится на четыре участка (fracjúni: frazioni): Бѣлая: С. Джіорджіо, Нива, Осояне, Столбица. Къ каждому принадлежатъ разные поселки выселенцевъ изъ главной деревни. Главною деревнею остается Равенца, какъ мѣстопребываніе гражданскихъ и церковныхъ властей: здѣсь канцелярія волостного правленія, здѣсь таможня, здѣсь живутъ всѣ священники (joèruvi), приходскій (plaván) и два капеллана (kapaláni), здѣсь оба училища мужское и женское, здѣсь, наконецъ, значительное количество трактировъ и постоялыхъ дворовъ.

Общее число жителей въ Резіянской волости въ началѣ 1872 г. было: на лице 2,537 (муж. 1,037 и жен. 1,500) и въ отсутствіи 738, всего вмѣстѣ 3,275. Изъ наличныхъ:

до 1	года было мужч.		41,	жен.	46 =	87
Отъ 1— 6	лѣтъ	» »	219,	»	200 =	419
» 7—18	»	» »	314,	»	378 =	692
» 19—87	»	» »	463,	»	876 =	1,339
			1,037,	»	1,500 =	2,537

Рѣзкій перевѣсъ женской доли населенія объясняется отсутствіемъ значительнаго числа мужеской доли, которая, конечно, составляетъ главную часть въ общемъ количествѣ отсутствующихъ.

Изъ подробныхъ перечней видно, что стариковъ 60 — 87 лѣтъ было 255 (муж. 110, а жен. 145). Семейныхъ паръ должно бы было быть по числу замужнихъ женщинъ 478, но наличныхъ мужей было только 279.

Всѣ Резьяне вѣроисповѣданія римско-католическаго и состоятъ въ вѣдѣніи Удинскаго архіепископа. Приходскаго священника выбираютъ себѣ сами большинствомъ голосовъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ.

Покровителемъ Резьи считается св. Георгій (Svéti šan Džorč), церковь котораго находится въ деревнѣ Бѣлой; тѣмъ не менѣе

главная приходская церковь—есть Богородицкая въ Равенцѣ (cirku od Maríje vérdjine). Кромѣ этихъ двухъ есть еще три церкви: въ Нивѣ, въ Осоянахъ и въ Столбицѣ, церковца на полонинѣ Карницѣ. За каждою церковью надсматриваетъ особенный церковникъ (münih). Собираніемъ пожертвованій для содержанія и украшенія церкви занимается камераръ (tjamarar: camerario); впрочемъ, обычай этотъ сохранился только на Нивѣ. Органъ есть только въ Равенцѣ, но и тотъ безмолвствуетъ за неимѣніемъ органиста.

Выше замѣчено, что въ Равенцѣ есть два училища: мужское и женское; въ одномъ учитель, въ другомъ—учительница. Учащихся очень немного.

Да и вообще грамотныхъ очень немного. Изъ таблицы, приведенной г. Бодуеномъ, сводящейся къ общему итогу 2031 душь обоего пола, могшихъ быть грамотными (съ 7 лѣтняго возраста) видимъ, что изъ 777 лицъ муж. пола грамотныхъ было 177 (въ томъ числѣ дѣтей до 12 лѣтъ — 26), а изъ 1254 лицъ жен. пола грамотныхъ былю только 28 (въ томъ числѣ дѣтей — 7); слѣдовательно всего на все грамотныхъ 205 изъ 2031, т. е. 1 изъ 10; а по поламъ изъ лицъ муж. пола менѣе $^1/_5$ доли, а изъ лицъ женскаго пола немного менѣе $^1/_{45}$ доли. Пользуясь цифрами вышеозначенной таблицы, можемъ вывести любопытное сравненіе грамотности двухъ возрастовъ: юнаго до 25 лѣтъ и не юныхъ съ 25 л.: грамотныхъ муж. пола юныхъ 80 изъ 395, т. е. 1 изъ 5, а не юныхъ 97 изъ 385, т. е. 1 изъ 4; грамотныхъ женскаго пола юныхъ 17 изъ 547, т. е. 1 изъ 32, а неюныхъ 11 изъ 707 т. е. 1 изъ 64. Значитъ въ мужской долѣ населенія уменьшилось противъ прежняго на $^1/_5$ долю, а въ женской долѣ увеличилось въ двое.

Поднятію уровня общей образованности Резіянъ способствуетъ сильно то, что многіе изъ нихъ ходятъ въ странствія и на житье въ чужіе края, какъ промышленники. Изъ общаго числа 3275-ти обитателей Резіянской волости въ началѣ 1872 г. было въ отсутствіи 738, безъ малаго четвертая доля всего населенія. Изъ уходящихъ одни дѣлаются тряпичниками, занимаясь и чиненьемъ посуды, луженьемъ и т. п., другіе — дровосѣками, иные ремесленниками, особенно каменьщиками; а многіе и торговцами не только мелочными но и оптовыми, особенно фруктовыми, ведущими дѣла съ торговыми домами разныхъ областей Австрійской Имперіи и переписку на нѣсколькихъ языкахъ... Особенное положеніе значительной доли мужескаго населенія Резіи обусловилось характеромъ ея мѣстности. Плодородной земли у Резіянъ очень мало, да и обработка годныхъ

для этого участковъ стоитъ имъ «ужаснаго тяжелаго труда», все воздѣлывается здѣсь руками съ помощью заступа, лопаты, мотыки и т. п. орудій, такъ что въ Резіянскихъ говорахъ нѣтъ и названій для плуга или сохи. Воздѣлывается болѣе всего кукуруза, картофель, бобы, а пшеница менѣе. Плодовыхъ деревьевъ очень мало. Виноградъ, за недостаткомъ полуденнаго солнца, не дозрѣваетъ. Бѣдность земледѣлія замѣщается нѣсколько скотоводствомъ, дающимъ молоко, сыръ, масло, говядину, баранину и т. д. Скотоводство также не можетъ идти съ успѣхомъ: лѣтомъ еще есть зелень на полонинахъ; на зиму же скошенное тамъ сѣно по невозможности свозить надобно сносить въ деревни на плечахъ, сносить изъ далека и потому въ очень ограниченномъ размѣрѣ. И эти труды лежатъ болѣе всего на женщинахъ.

Въ замѣткахъ И. А. Бодуена приведено нѣсколько расказовъ Резіянъ, чѣмъ когда они занимаются. Вотъ два изъ нихъ. «Весною — сказывала одна молодая Резіянка — мы начинаемъ копать, сѣять картофель, жито. Потомъ мы косимъ. Потомъ, когда окончимъ работу съ сѣномъ, должны косить отаву. Потомъ собираемъ фрукты (sâd), а затѣмъ колосья кукурузы (panúle ut sir̆ka), картофель (krompir), гречиху (éjde), рожь (râž), рѣпу (roèpa). Собирается тоже по огородамъ (tû u wèrtih) сѣмя цикорія (soemoe od lydryka), салата (ot saláte)». Одинъ изъ Осоянъ расказалъ о своихъ работахъ такъ: Вставши утромъ, онъ идетъ на полонину. Пришедши устраиваетъ тамъ свои дѣла. Потомъ идетъ на гору, чтобы приготовить себѣ кое какую связку сѣна, если успѣетъ до ночи. И за тѣмъ онъ опять возвращается домой къ своему хлѣву (tá h ńaha hlíwu), туда гдѣ у него есть своя полонина. Устроивъ всѣ свои дѣла, онъ уходитъ (изъ Резіи) и старается что нибудь заработать. Заработавъ кое что и думая что этого довольно, ворочается на родину. Живетъ на родинѣ опять до тѣхъ поръ, пока не устроитъ своихъ дѣлъ. Потомъ опять уходитъ попытаться, не можетъ ли чего заработать. Онъ пробуетъ всѣ ремесла, и которое лучше удается, того и держится. Заработокъ старается беречь. Когда же у него есть капиталъ, онъ можетъ добывать хорошія деньги. Такой человѣкъ есть подлинно человѣкъ (muž).

Само собою разумѣется, Резіяне и Резіянки, кромѣ заботъ по домашнему и полевому обиходу, заняты и производствомъ разныхъ издѣлій необходимыхъ для жизни, орудій и разныхъ вещей, кожъ и тканей, одеждъ и обуви и т. д. Къ сожалѣнію въ свое новое сочиненіе И. А. Бодуенъ не внесъ подробностей объ этомъ.

О пищѣ Резіянской замѣтилъ онъ слѣдующее: «Вообще они питаются точно тѣмъ же, чѣмъ и ихъ сосѣди. Утромъ — кофе, который, накрошивъ прежде въ него хлѣба, ѣдятъ изъ мисочки. У кого нѣтъ кофе, тотъ довольствуется молокомъ или же кипяткомъ, въ которомъ разбавлено муки или очень немного (что и называется просто кипятокъ — krop) или поболѣе (что называется мучнымъ супомъ — múčnik). Обѣдъ и ужинъ, по мѣрѣ возможности, составляется почти всегда изъ салата, особенно цикорнаго, яицъ (одного или двухъ на человѣка) и поленты, тѣста изъ кукурузной муки, мамалыки, — jíd, joest. У тѣхъ же кто побогаче, бываетъ кромѣ того густой супъ (minéštra), приготовляемый преимущественно изъ риса, а иногда, напр. по праздникамъ, варятъ курицу или что нибудь въ этомъ родѣ. Хлѣбомъ (krùh) могутъ запасаться далеко не всѣ: его замѣняетъ полента. Хлѣбъ пекутъ только пшеничный; ржаной вовсе не въ употребленіи. Пастухи на полонинахъ питаются полентой и сывороткою. Самое любимое блюдо Резіянъ—сыръ, пряженый въ маслѣ на сковородѣ или въ кострюлѣ. Мясо употребляется очень рѣдко».

О питіяхъ Резіанъ замѣтокъ нѣтъ; а есть о табакѣ: курятъ табакъ очень немногіе, нюхаютъ почти всѣ, даже дѣти.

Относительно одежды Резіанъ замѣчено, что для мужчинъ нѣтъ особенныхъ обычаевъ: носитъ каждый, что считаетъ лучше или что можетъ. Женщины — и то уже не всѣ — держатся стараго навыка. Молодыя и старыя одѣваются одинаково. Цвѣтъ одежды исключительно черный безъ всякой примѣси другого. Сдѣлано же платье Резіанки должно быть все изъ шелковыхъ тканей; только по нуждѣ шелкъ замѣняется чѣмъ нибудь другимъ. На короткую рубашку (srákica) Резіанки надѣвается корсетъ (pet) съ пуговками подъ шею и съ рукавами, а по верхъ корсета платье безъ рукавовъ (djamažot), перепоясываемое широкимъ поясомъ (pâs), и въ нижней части (юбкѣ, что называется kótula) сшитое изъ двухъ поперечныхъ полосъ (шевъ приходится почти у колѣнъ). Голова незатѣйливо повязывается чернымъ шелковымъ платкомъ (facöloèt). На ногахъ чулки (hlače škofońe) и башмаки (čriíwje). Сверхъ платья, особенно въ холодное и ненастное время, надѣвается короткая кофта (džupa, súknja). — Изъ украшеній отмѣчены только серьги (rintjínavi). Серьги въ одномъ ухѣ носятъ и многіе мужчины, особенно старшаго поколѣнія.

О нравахъ Резіянъ есть нѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Замѣчено, что Резіяне вообще очень обходительны и общительны—

нетолько между собою взаимно, но и съ чужими. Вѣжливость отношеній выражается между прочимъ употребленіемъ мѣстоименія «вы» въ бесѣдѣ со всякимъ не очень близкимъ, такъ что «ты» говорится только дѣтямъ и вообще юнымъ и ими взаимно, а «вы» господствуетъ и въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Замѣчено добродушное гостепріимство Резіянъ даже нуждающихся. Замѣчено также, «что уваженіе къ чужой собственности развито въ Резіянахъ въ высокой степени: кражи или же повреженія посѣвовъ и вообще полей случаются очень рѣдко». Незабыто то особенное положеніе женщины сравнительно съ мужчиною, въ силу котораго, не смотря на общее равенство половъ, и на вѣжливое обхожденіе молодыхъ людей къ дѣвушкамъ на праздникахъ, женщина не должна позволять себѣ «свое сужденіе имѣть» и даже подавать голосъ, когда ее не спрашиваютъ. «Если во время мужского разговора присутствующая при немъ женщина дерзнетъ высказать свое мнѣніе или вообще только отозваться, то почти всегда найдется какой нибудь блюститель порядка, считающій своимъ долгомъ въ довольно безцеремонныхъ выраженіяхъ напомнить женщинѣ о разстояніи, отдѣляющемъ ее отъ тѣхъ, кто имѣетъ право и думать и разсуждать и высказывать свое мнѣніе». Очень любопытно замѣчаніе, что «нигдѣ нельзя найдти *прислуги* изъ Резіянъ, что «Резіянинъ зарабатываетъ на свое содержаніе только свободными ремеслами или хотя бы даже самымъ ничтожнымъ промысломъ, но *служить* не умѣетъ», что въ самой Резіи по перечету 1871 г., было въ прислугѣ только 11 женщинъ и 1 мальчикъ. Не менѣе любопытно замѣчаніе о вѣротерпимости Резіянъ, позволяющей имъ уважительно смотрѣть на всякую религію, хотя и считать христіянскою вѣрой одно только римско-католическое исповѣданіе, а всѣ другія исповѣданія за одно съ Еврейскою вѣрой — не христіянскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ отзываться о нѣкоторыхъ обычаяхъ своей вѣры очень свободно, далеко не одобрительно, даже враждебно въ отношеніи къ духовенству. Отмѣчено еще, что Резіяне сознаютъ свое родство съ другими Славянами, всего болѣе разумѣется съ тѣми Хорутанскими Словенцами, къ народности которыхъ сами принадлежатъ, и этому сознанію подчиняютъ свои народныя симпатіи и антипатіи. Это впрочемъ не мѣшаетъ тому, что они и по неволѣ и по безотчетному, все болѣе усиливающемуся навыку подчиняются вліянію Итальянскаго или вѣрнѣе сказать Фріульскаго языка и обычая.

Съ особеннымъ вниманіемъ остановился И. А. Бодуенъ на на-

родной словесности Резіянъ; въ Резіи собиралъ онъ сказки, преданія, пѣсни, поговорки и загадки и привелъ не малое число ихъ въ своемъ очеркѣ. Это — научная новинка, любопытная и для славистовъ и для изслѣдователей народной словесности, хотя, по отзыву самого г. Бодуена, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ Резіянъ «нѣтъ ничего особеннаго». Приведено шесть сказокъ — о лисицѣ и другихъ звѣряхъ, три сказки о чудесныхъ приключеніяхъ съ людьми, двѣ о вѣдьмахъ, 14 загадокъ, 9 пѣсенныхъ отрывковъ и только эти въ подлинникѣ и въ переводѣ. О пѣсняхъ замѣчено, что онѣ (Wizé, úže, въ ед. wjíža: wujža: uža) «по большей части безсодержательны», и что всѣ поются на одинъ изъ двухъ напѣвовъ: одинъ веселый, употребляемый и для пляски, а другой — грустный, какъ кажется очень рѣдко употребляемый (самому г. Бодуену не удалось его услышать ни разу).

Приведено еще нѣсколько преданій, Богъ знаетъ какъ породившихся, о Русскомъ происхожденіи Резіянъ, и представлено нѣсколько доказательствъ тому, что основныя черты Резіянскихъ говоровъ и Русскаго языка совершенно различны. Затѣмъ, не отвергая родственной связи этихъ говоровъ съ другими говорами Хорутанскихъ Словенцевъ, г. Бодуенъ вошелъ въ подробное изложеніе своего убѣжденія, высказаннаго и въ «Опытѣ фонетики Резіянскихъ говоровъ, что «Резіяне представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ то отпрыскомъ Туранскаго племени (или по крайней мѣрѣ съ чѣмъ то подобнымъ), точнѣе говоря: они произошли изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранцами», а потомъ въ разныя подробности о самихъ говорахъ. Къ тому, что уже подробно разсмотрѣно въ означенной книгѣ, здѣсь прибавлено нѣчто новое между прочимъ, слѣдующее:

— Цвѣта: зеленый, синій, голубой, въ Резіанскихъ говорахъ неотмѣчены; всѣ идутъ за одинъ зеленый (zoeloény).

— числа: 1. dan, dna: na, dnö: nö, 2. dwa, dvi, 3. triji: tryjy, сж. tri, try, 4. štiri, 5. pet, 6. šest: šeist, 7. soèdan, 8. ösan, 9. doévat, 10. doesat, 11, dánaist: dánijst, 12. dvanijst и пр., 20. dwájsti: dwújsti, 21. dwujsti nu dan (20 и 1), 29. dwujsti nu doévat, 30. tristi: triste 40. štrèdi: štréde (вм. štiri rédi: четыре ряда), 50. paterdu (пять рядовъ), 60. tríkrat dwájsti (три раза двадцать), 70. trikrat dwájsti nu doésat (три раза 20 и 10), 72. trikrat dwájsti nu dwánijsti (3 раза 20 и 12), 80. štirkrat dwújste (4 раза 20), 90. štirkrat dwújste nu doèsaet, 100. stu: čantanar. 1000. mijar.

— Священникъ по Резіянски: joèrö: oèrö — іерей, ἱερεύς.

— Глаголъ безличный въ един. числѣ средняго рода, употребляется вм. личнаго: koj to ga upjánilo: когда его опьянило: вм. опьянили, ánu to šlö: и то шло: вмѣсто пошли, ушли.

— Будущее составляется съ помощію глагола хотѣть: хочу (tjon, tjoeš, tjoe, tjoemö, tjatà: tjoétoè, tjejo, двойств.: ч.: tjowà, tjatà, tjatá): ja tjon te ubuèt: я хочу тебя убить: т. е. я тебя убью.

— Кромѣ обыкновеннаго разговорнаго языка есть у Резіянъ еще тайный, никому постороннему непонятный. Г. Бодуену «удалось слышать только нѣсколько фразъ этого языка, состоящихъ главнымъ образомъ изъ обыкновенныхъ Резіянскихъ словъ въ иносказательномъ переносномъ смыслѣ».

Въ своемъ очеркѣ г. Бодуенъ не забылъ дать мѣсто и свѣдѣніямъ о прошедшемъ Резіи и Резіянъ. Главное заключается въ грамотахъ и другихъ подобныхъ запискахъ, относящихся къ XIV — XVIII в. (къ XIV вѣку относятся только двѣ или три грамоты): онѣ всѣ перечислены и изъ нѣкоторыхъ сдѣланы нѣкоторыя отмѣтки. Кромѣ этого означено нѣсколько преданій народныхъ. Все это подобрано очевидно очень тщательно и не безъ большихъ хлопотъ; но, къ сожалѣнію, не могло привести ни къ какимъ общимъ итогамъ.

Послѣднія страницы очерка заняты перечнемъ всего, что доселѣ было писано о Резіи и Резіянахъ. Здѣсь, между прочимъ, кромѣ вышеуказанныхъ статей, выбраны изъ книги II. *Валентинелли* (Bibliografia del Friuli. Venezia. 1861.) и другихъ указанія на слѣдующія изданія: *H. Partenopes* Descrittione... del Friuli. Udine 1604.— *P. Fistulario* Della geografia antica del Friuli. Udine. 1775; Stampa di Pontiela, Dogno, Chiusa, Resia... 1795;—(*Viviani*) Gli ospiti di Resia. Udine. 1827; *P. Valussi* Rapporto della camera di. commercio e d'industria... del Friuli. Udine. 1853.—*G. Marinelli* Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie. Udine. 1872.